ИЛИЯ БРИТАН

БОГУ

БЕРЛИН
MCMXXIV

БОГУ

Gedruckt bei Sinaburg & Co., Berlin.

Напечатано в типографии
Зинабург и Ко. в Берлине
в 2000 экз., из них 27 экз.
именных и нумерованных.

Alle Rechte vorbehalten.

ИЛИЯ БРИТАН

БОГУ

БЕРЛИН
MCMXXIV

«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

Литургия
Св. Иоанна Златоустого.

* *
*

Ушедшей к Богу милой Маме
Пусть эти песни прозвучат
И за земными берегами
Невинным лепетом внучат.

Услышь и ты, в чьих детских взорах
Любовь давно убила страх,
Миров иных чуть внятный шорох
В моей душе, — в моих стихах.

Но если дар отвергнут обе,
Как в небе, так и на земле,
Я не предамся чёрной злобе
И не убью себя во мгле:

Забывшись в призрачной отраде,
Упрямых уст я не сомкну,
Но никогда своей тетради
Я не повергну никому.

Сам Бог, пером моим владея,
Свою звезду во мне зажёг. —
Гори же, песнь моя, светлее:
Так я хочу! Так хочет Бог!

* *
*

Меж гирляндами ро́з —
Хороводы стрекоз;
Средь зелёных ветвей —
В полутьме соловей;
За покровами мглы —
Властелины-орлы;
Над вершинами гор —
Безграничный простор, —
И над всем яркий свет —
Одинокий поэт.

* *
*

Скучен мне порядок серый
В думах и в делах:
Я люблю смешать размеры
В пламенных стихах;
Я люблю в одном узоре
Праведность и грех
И в твоем глубоком взоре
Вместе — плач и смех;
Любо мне почти до боли
В храм идти шаля, —
Не в моем ли произволе
Небо и земля?
Душу Богу дам обратно,
Тело — птичья снедь...
О, как жутко и приятно —
Жить и умереть!

* *
*

Мои стихи не ровны,
Как сердца перебои;
Я — светлый и греховный:
Во мне таятся двое.

То — к небу, то — в болото,
Но всё творю для Бога;
То — серая забота,
То — вещая тревога...

Ненужный, нелюбимый
Люблю везде молиться;
Живу я как-то мимо,
Не зная, где граница.

Свечу я без заката
Каким-то странным светом;
Мне Бог велел когда-то
Любить и быть поэтом.

То — в цирке, то — в часовнях;
То — музыка, то — схима:
В стихах моих неровных
Скитанья пилигрима...

* * *

О, стихов моих светлая лестница!
О, души моей чистый Грааль!
Кто подходит, тот пусть перекрестится:
Здесь живёт неземная печаль.

Был отравлен я муками Каина,
Был себе самому палачём, —
Здесь миров запредельных окраина,
Озаренная Божьим лучём.

В душу, милая, ты загляни мою,
Звёздной лестницей тихо пройди,
Полюби мою сказку любимую,
А потом, если надо, — суди!

* * *

Я кажусь суровым, — я такой нарочно:
Стыдно быть хорошим, — надо быть плохим!
То наброшу тогу, то костюм восточный,
То вдруг Дон Жуан я, то вдруг пилигрим.

Я жалею, плачу и колю кинжалом,
Я томлюсь по Боге и плюю в алтарь,
Я бодрее ветра, но гляжу усталым,
Я душой на небе, но ползу, как тварь.

Тяжко вечно корчить напоказ героя,
Притаив за гримом робкие черты...
Так живу на сцене, так слыву Пьерро я,
Но хочу лишь ласки, солнца, простоты.

Я совсем не камень, я нежней мимозы
И пред малой травкой падаю я ниц:
Могут меня ранить легкие стрекозы
И убить на месте тень твоих ресниц.

О, мой ангел светлый, грех мой мне прости ты:
Я люблю до боли, но кажусь сухим...
Все мои надежды, все мечты — убиты.
Стыдно быть хорошим! Надо быть плохим!..

* * *

Я всё скажу! Себя ласкать
Мечтой красивой не хотел;
Всю жизнь не жить, все жизнь искать:
Таков мой пламенный удел...

Былого годы не вернут,
А жизни новой — не начать;
И в бездне гаснущих минут
Легла не сердце мне печать.

Она легла и на уста, —
Безмолвен крик моей души...
А даль земная так чиста!..
А сны любви так хороши!..

* *
*

Там в глубине души одна слеза звенит
И жажда светлая — молиться;
Но я застыл, я — как гранит,
И капле жгучей — не пролиться!

Там в глубине души — аккорд багряных снов,
И сила радостная дремлет;
Но эта речь, увы, — без слов,
Лобзаний жизни не приемлет!

* *
*

Средь смеха кипучего вдруг незаметно
В душе моей слёзы немые родятся,
И брызги веселья пытаются тщетно
Бороться с печалью: тоске не уняться.

Когда поцелуем я сердце стараюсь
Открыть для любви, для огней наслажденья,
То вдруг я робею, то вдруг я теряюсь, —
Пустая, холодная, мертвая тень я!

Когда я хочу позабыться немного,
Отдавшись мечте о великом и вечном,
То вдру́г предстаёт моим взорам дорога,
С бескрестной могилою в счёте конечном...

* *
*

Тлеют свечи в мёртвом зале;
Вянет сорванный цветок.

Что со мною? не слеза ли
Там упала на платок?

Бледный мрамор грезит в муке,
Нежно-грустен луч зеркал.
Чьи-то очи... чьи-то руки...
Чей-то голос просверкал...

Миг томленья. После бала.
Смяты пышные драпри.
Часовой немого зала —
Смерть шагает: раз... два... три...

Скрипы, шорохи паркета.
Мрак удушлив и жесток.
Жаждут жизни, просят света
Я и сорванный цветок...

* *
*

Стоят деревья оголенные;
Гудят сквозь сон колокола;
Грозятся дроги похоронные,
И плачут в окнах зеркала...

Везде, на всём тревога смутная,
Весь город скорбью обуян,
И только вывеска распутная
Лукаво шепчетъ: «Ресторан»...

Вот дом, как гроб из алюминия,
Вот дама, — весь в румянах труп;
И даже блеск немого инея
Так монотонен и так груб.

Здесь солнца луч, тоске препятствуя,
Ни разу ярко не блистал,
И Дьявол — Дым, на мир злорадствуя,
Себе поставил пьедестал...

* *
*

В небе медленно гаснут опалы.
Никого. Ничего. Ниоткуда.
О, как сердце больное устало
И не просит ни счастья, ни чуда!

Небу сон о земле не приснится.
Время ткут одинокие судьбы.
О, мучительных снов вереницы...
Не хочу... не хочу... Отдохнуть бы!

* *
*

Берег жизни с отвесными скалами,
А над ними — простор голубой:
Вот куда бесконечно усталыми
Нас угонит последний прибой.

Здесь — предел и черта, здесь — окраина;
Сердцу стало так тесно в груди,
Но земля с небесами не спаяна,
И лишь пропасть одна впереди.

Мне противно жить только химерою,
Сердце дум и надежд не хранит,
В чары жизни я больше не верую, —
Я молчу, я застыл. Я — гранит...

* *
*

Хмурая осень мелькнула мне в очи,
Песню запела о том, что теперь
К чёрной могиле дорога короче:
Близится гроба тяжёлая дверь...

Пела: забыт я тобою бесследно;
Пела: погас мой единственный луч;

Пела, кричала, смеялась победно
Старая ведьма в короне из туч...

Пела... И грустным больным хороводом
Жёлтые листья кружились в саду,
Тьма завладела землей, небосводом,
Липы стонали в тяжёлом бреду...

Скука. Презрение. Грусть и досада.
О, как в душе стало тоже темно...
Хмурая осень, чего тебе надо?
Может-быть жизни? — я умер давно!

* * *

Не выплаканы слёзы, и песни не допеты,
Не высказаны думы, и брошен светлый путь,
И замер как-то жутко без всякого ответа
Призывный шопот сердца, и глухо ноет грудь.

Закат мой так печален, любовь так далека мне,
Я — раб самообманом отравленных минут,
Я лгал земле и небу, и на могильном камне
Об этом не забудут, а после — проклянут.

Печаль моя безмерна от самой колыбели;
Растратив рано душу, я рано изнемог.
Всё прожито без смысла, сгорело всё без цели, —
И не простят мне люди, и не простит мне Бог!

* * *

Лишь только погаснут унылые свечи,
Я буду томиться, не зная покоя, —
И снова послышатся милые речи,
И кто-то обнимет дрожащей рукою...

И губы потянутся вновь к поцелую,
Захочется плакать, упасть на колени,

И сердце забудет про муку былую
И станет молиться обманчивой тени.

Чьи волосы нежат мой лоб, мои щёки?
О, кто ты? не хочешь... не смеешь назваться?
Чей голос мне шепчет такие упрёки,
С которыми смертный не в силах расстаться?

Весь мир так ничтожен, так жалок, когда я
Томлюсь в ожидании призрачной встречи:
Я счастлив до боли, я счастлив, страдая,
Лишь только погаснут унылые свечи...

* *
*

Стою один. В душе — укор,
Тоска владеет мной.
А там — безмолвный разговор
У звёзд идёт с луной.

Ушла любовь. Во мне горит
Сомнений чёрный луч.
А сверху сумрачно глядит
Громада серых туч.

О, кто же там, и что со мной?
Кто так безумно строг?
Иль только бред души больной
Какой-то добрый Бог?

Стою один. Молчат уста,
И чувствую теперь,
Что даль небесная пуста,
А я — забитый зверь...

* *
*

О себе продумал до утра я
В полусне, измученный кошмаром:

Чётки дней своих перебирая,
Видел жизнь, растраченную даром.

Много слов и жестов, как на сцене,
Много грёз и сказок, будто в книге:
Как паяц, я падал на колени,
Как поэт, я ткал узор интриги.

Всё ушло бессмысленно и мимо,
Чёрный стыд вонзил мне в душу жало,
Слёзы прочь согнали краску грима,
Сердце верить в Бога перестало.

В полусне, в бреду, с судьбою споря,
О себе продумал до утра я:
Вспомнил много лжи и мук, и горя,
Чётки дней своих перебирая...

* *
*

Тоска... Тоска... Тоска! О, Боже мой, доколе
Я буду под ярмом у этой ведьмы злой!..
Довольно! Много слёз и много, много боли
Изведала душа. Долой тоску, долой!..

Чего, не знаю сам, ищу я жадным взором,
Ловлю какой-то звук, а он давно погас;
Мне скучно меж людей, — внимая вашим спорам,
Я чувствую всегда, как я далёк от вас.

Люблю я... Но кого — мой ум решить не может:
Себя я потерял в раздумье о себе-ж,
И демон пустоты меня, скитальца, гложет,
И хочется уйти за жизненный рубеж.

И только иногда, в минуты вдохновенья
Богиня красоты мне родственно близка, —
А тамъ опять идут позорные сомненья,
И властвует над всем тоска... тоска... тоска!

* * *

Хлопья мокрого снега. Уныло гудят провода.
Никого. Я — один, не считая подруги — печали.
Помню, как-то давно здесь ходил я с тобой, и тогда
Эти светлые звёзды нас тайно от всех обвенчали.

Так же было темно, так же пусто вокруг, и на нас
Так завистливо старые серые стены глядели;
Помню, где-то вдали, вдруг фонарь, задохнувшись,
погас;
Помню это молчанье,—без слов говорить мы умели...

Я и ты... мы—одно! Миг великого чуда настал, —
Оттого, может-быть, всё вокруг этой ночью молчало;
Нам казалось, что мир это только — для нас пье-
дестал,
Мы же — сердце Вселенной, ее и конец и начало.

О, тогда и теперь! Так всё гибнет, как вешний цве-
ток,
И над всем торжествует проклятое жало измены, —
Оттого, может-быть, мрак сегодня безумно жесток,
Оттого, может-быть, так ликуют, злорадствуя, стены.

И воскреснет ли то, чем я жил и горел? Да иль
нет?
Неужели в насмешку нас звёзды тогда обвенча-
ли? —
Я не знаю... Чу, близится серый, холодный рассвет.
Никого. Я — один, не считая подруги — печали...

* * *

Влачит устало воды дряхлый Ганг.
Мир спит, угас... И смертных не жалея,
Навек замолк Синай. Поник Олимп.
Пуста, мрачна, беззвездна Галилея...

* *
*

И смех, и слёзы без ответа.
Конец, начало где пути?
На свете нет ни искры света,
И мира в мире не найти...

* *
*

Покой сгорел. Ясна мне истина:
Конец — не цель, любовь — не свет,
Смерть так живит, а жизнь убийственна,
И тесен мир, и Бога нет!..

Молчанье, стон ли, дождь иль радуга,
Червяк... звезда — не всё равно ль!
Желать на миг, желать ли нaдолго:
Всё тот же сон, всё та же боль!..

День... месяц... год... о, люди, горе вам, —
Всегда, везде одно и то-ж:
Мечта царит во сне лазоревом,
А наяву хохочет ложь!..

Да лжёт ли ложь? правдива ль истина?
Кто разгадает? Где ответ?.. —
Смерть так живит, а жизнь убийственна,
И тесен мир, и Бога нет!..

* *
*

Отчего так могильно молчит эта ночь?
Отчего я себя не могу превозмочь?
Отчего нет во мне ни конца, ни начала?
Отчего спит душа, и любовь замолчала?

* *
*

Мы тоскливо бродим,
Край пройдя за краем:

Не искав — находим,
В поисках — теряем.

Брошен кров родимый,
Скучно нам, устали:
К цели не пришли мы
И дойдем едва ли.

Верную дорогу
Знали и забудем:
От людей ли к Богу,
Иль от Бога к людям.

Где отгадка стонам, —
Здесь иль за могилой?..
О, как тяжело нам...
Господи, помилуй!..

* * *

Все-то надоскучили... всё-то я грущу...
Думушки измучили, — всё тебя ищу...

Что мне люди здешние! Что мне ласка их! —
Где ты, солнце вешнее, — в стра̀нах ты каких?

Встречу песней-пляскою: только появись...
Ах, замучу ласкою... Где-ж ты? Отзовись!..

Сердце точно сковано, взятое в полон...
Спишь ты? Заколдована? — я развею сон!

Аль Кащеем схвачена? — я освобожу! —
Будь, что предназначено: душу положу...

Аль в могилу спрятана старою Ягой?
Аль за кем сосватана? — люб и мил другой?

Аль людьми гонимая, горем извелась? —
Нет, моя любимая, ты... не родилась.

* *
*

Тройкою диких шальных лошадей
Правит лихой разудалый возница.
Мчи меня прочь от домов, от людей
Быстро, мой милый, как вольная птица!

Душно мне! Медленный яд отравил
Жадное сердце и хищную волю;
Всё, что мне близко, давно разлюбил, —
Мчи же скорей по широкому полю!..

Что-ж ты в сомненьи? — Дорога? эх-ма,
Всю то я жизнь проплутал без дороги!..
Мчи, где попало! Чай, день, ведь, — не тьма...
Всё нипочём, коли крепкие ноги...

Только-б забыться... стряхнуть с этих плеч
Тяжесть проклятую прошлых страданий,
Душу безумьем да страстью увлечь,
Трепетом чудным пьянящих желаний!..

Господи... снова я что ли живу?..
Эх, кабы чёрным орлом обернуться...
Эх, кабы к солнцу... туда... в синеву...
Эх, кабы к людям назад не вернуться!..

* *
*

Всё, чем душа моя горела и звучала,
О, если бы забыть навеки, без следа,
И сердце воскресить, и жить опять сначала,
Без страха умереть, исчезнуть навсегда...

О, я-б не увлекал себя пустым обманом,
Любовь моя чиста, как горный снег была-б,
И светлая мечта развеянным туманом
Из сердца не ушла, как ночью беглый раб...

И строя дивный храм, и ожидая Бога,
Я был бы, как дитя, как песня, как цветок,
И всё-б я понимал, и не судил бы строго,
И только бы к себе я сделался жесток...

День — подвигу, а ночь — мечте о новом чуде
Смиренно посвятил бы рыцарь и поэт...
О, пусть мала земля, и слабы духом люди,
Но небеса не лгут, и солнца ярок свет...

Да, я бы победил! — Но день мой гаснет серо,
И скука на душе оттиснула печать:
Когда остынет кровь, тогда уходит вера,
А с ней уходит жизнь, — и новой не начать...

О, если бы забыть! Мук памяти не надо
Тому, кто так страдал, и чей окончен путь...
Забвение, покой — последняя отрада. —
Но если бы ожить... на миг... когда-нибудь!..

* * *

Край родимый так сер и убог!
Истомившись, быть ярким не смея,
Я под гнётом мечты изнемог
По тебе, моя светлая фея...

Может-быть, лишь в безумном бреду
Видел образ далекой богини
И тебя никогда не найду
В этой душной и тесной долине...

Что-ж! я смело из злых тупиков
Улечу в недоступные горы,
Где не слышно лукавых шагов,
И молчат вековые укоры...

Если надо, я путь проложу
До небес, дальше солнечных граней

И могилы от сна разбужу
Ураганом великих желаний...

Всё! — в награду же — только тебя,
Моя сказка... далёкая фея...
Я живу, чудный призрак любя,
Ни других, ни себя не жалея...

Я под гнётом мечты изнемог.
О, томительных дней вереница...
Ни тюрьма, ни палач, ни сам Бог
Не заставят меня покориться!..

* *
*

Наглухо запер тюрьму,
Веруя скупо и мало:
Робость моя ни к чему, —
То ли когда-то бывало!

Что там стоит у дверей?
Может-быть, новое горе?
Всё-ж говорю: поскорей,
С радостью жуткой во взоре...

Кто там стучится опять?
Может-быть, вестница злая?
Рано ещё умирать,
Всё-таки дверь открываю...

Серая... серая явь...
В звёздные сказки не веря,
Душу от тела избавь:
Настежь, проклятые двери!

* *
*

Видишь, река вся жемчужно-кристальная
Медленно тянется к югу сапфирному:

Там, где колышется роща миндальная,
Любо ей ластиться к берегу мирному.

Так и душа моя тихо-печальная
Пламенно тянется к небу далёкому:
Там, где живёт Красота безначальная,
Счастье найдётся и мне одинокому...

* * *

Высоко над землей. Горделив мой полёт,
Грозно реют могучие крылья,
Точно буря-гроза мой корабль-самолёт,
Сказка дивная сделалась былью.

Новый мир красоты, новых подвигов ряд
Победителя светлого манит,
Хоры звёзд приковали мой пламенный взгляд,
Хмель высот и колдует, и ранит...

Но и здесь, в океане великих чудес,
Ты со мной, моё прежнее горе:
Улетев от земли, не нашёл я небес
И один в безграничном просторе...

* * *

О, взгляни, как в сирени уснула беседка
Под напев золотой ветерка,
Как дрожит опьяненная месяцем ветка, —
Торопись: эта ночь коротка...

О, взгляни, дорогая, как вольно, безбрежно
Разметался тоскующий мрак.
Всё уснуло так тихо, спокойно... так нежно:
И дорога, и лес, и овраг.

О, взгляни очарованным медленным взглядом
За начертанный людям предел...

Мы — как издали звёзды: лишь кажемся рядом:
Одиночество — вот наш удел...

О, взгляни... Это — днём всё для нас не понятно,
Путь на небо далёк и суров;
Ночью слышится людям так родственно—внятно
Бесконечная тайна миров...

* *
*

Меня ужалили сомненья:
Они ужалили меня,
И вот — колеблемая тень я,
Я — тень из мрака и огня.

От сна я песнями разбужен,
Во мне — отчаянье глубин:
Я — нить холодная жемчужин,
Я — окровавленный рубин.

Я — гулких эхо вереница,
Я — тень из мрака и огня.
Всё, знаю, сон, но мне он снится,
Блистая, плача и звеня!..

* *
*

Люблю, люблю тебя, — не спорю:
Рассудком, сердцем — всё равно...
Не знаю, к счастью или к горю, —
Об этом ведать не дано.

Я не живу, я в жизнь играю
И век свой даром загублю.
В тебе себя я презираю,
В себе тебя до мук люблю!

Как хорошо, что далека ты,
Что близких нет к тебе дорог:

Ведь, только нищие богаты,
И тем, кто грезит, близок Бог...

Иду к тебе в тумане сизом,
С мечтою вечно молодой,
С моим навязчивым капризом,
С моей обманчивой звездой...

* * *

Моя любовь — любовь угрюмая,
Тоской отравленный цветок:
Хочу любить тебя, не думая,
Но голос разума жесток.

В кого, во что теперь я верую?
О ком пою? Кого бужу?
Кляну я землю нашу серую,
А уходить — не ухожу...

Хочу уйти, моя любимая,
Хочу и знаю новый путь:
Я — жажда грёз неутолимая,
И жаждет Бога эта грудь...

Но ты? Идти моей дорогою
Ты хочешь? Можешь? — дай ответ...
И ждёт его с больной тревогою
Плененный вымыслом поэт.

Моя любовь? Ведь, ею спаяна
Глухая цепь тоски по той,
Чей взор горит печатью Каина
И блещет жуткой красотой...

* * *

Вчера был день так светел,
И жизнь была легка:

Тебя случайно встретил,
Смотрел издалека.

Сегодня ненавидел
Себя и жизнь, и всех:
Нигде тебя не видел,
И горек был мой смех.

А завтра чем отмечу
Страницу дневника?
Господь, пошли мне встречу
Опять... издалека!..

* *
*

Ты проходила с кем-то мимо
Сурово, грустно, не спеша.
Какими грёзами томима
Твоя лазурная душа?

Слетела дума; ты очнулась,
Ресницы дрогнули слегка,
И чуть заметно покачнулась
Твоя бесстрастная рука.

Вокруг народ. Кругом шумело.
Но мне казалось это — храм:
Моя душа молитву пела,
Желал упасть к твоим ногам.

Уста твои опять молчали.
Я поклонился. Ты прошла.
Во мне — безумие печали,
И Смерть глядит из-за угла...

* *
*

Смотрят так немые фрески
Вдаль из пламени веков.

Строгий лик; в ушах подвески
Из угасших жемчугов;

Губы — две змеи кровавых;
Смерть кивает из глазниц;
Что-то жуткое в суставах,
Как у злых и хищных птиц;

У индийского корсажа
С ядом вычурный стилет.
Вся — молчанье. О, когда-же
Ты шепнёшь мне: «Да» иль: «Нет»!

«Нет», — и Смерть взойдёт на ложе,
Как последний грустный друг;
«Да», — умру я, знаю, тоже,
Но с тобой — от сладких мук...

* * *

Не договаривай! Мне стало вдруг так жутко:
Во всём, что сказано, таится грозный миг.
Любовь загадочна, нежна, как незабудка,
И недоверчива, как Смерть, её двойник.

Я верю, милая, всему, что в нас незримо
Грустит с улыбкою, неведомо о чём:
То — голос Вечности, то — слёзы херувима,
То — небо светится лазоревым лучём.

Но речи смертные попыткой дерзновенной
Сказать заветное убьют сердечный зов...
Не договаривай! — И тайна всей Вселенной
Тогда откроется, понятная без слов...

* * *

О, встреча душ! По мысли Бога,
Иль это шутка злых планет, —

У нас была одна дорога,
И шли мы рядом много лет.

Но кто-то там за облаками,
От скуки, в злобе иль смеясь
Порвал холодными руками
Сердец таинственную связь.

И вот мы врозь уйдём куда-то,
И с каждым будет на пути
Печаль последнего заката,
Тоска последнего прости.

Мой путь далекий мне не ведом,
Влечёт незримая судьба,
Быть-может, к солнечным победам,
Быть-может, к смерти, как раба,

Безмолвна и твоя дорога,
И тайну вещую хранит:
Увидит слёз и горя много
Её загадочный гранит.

Мой друг любимый, уходи же
И помни, что любя, грустя,
Мы снова встретимся и ближе,
Но много, много лет спустя.

О, встреча душ! Судьба ли, случай
Роднит навеки, — всё равно:
Понять узоры их созвучий
Земному сердцу не дано...

* * *

Мы ярко грезили, мы верили в порыв,
Но грустью тайною окутан был наш путь,
И что-то умерло; и ты, глаза открыв,
Узнала правду всю? — Скорей её забудь!

Друг другу близкие — враги мы; и не раз
Тоскою, злобою моя томилась грудь;
Огонь любви моей был чёрен и погас;
Я растоптал его? Я? — Смейся и — забудь!

Отрады не было, и дума, как кинжал,
Вонзилась в душу мне... Поймешь когда-нибудь,
Как ненавидел я и как я обожал...
Поймешь ли, милая? Пойми и — позабудь!..

* *
*

Читай письмо моё, читай его до боли,
До слёз неведомых читай его, мой друг,
Чтоб сердце грешное на части раскололи
Слова правдивые, рожденные из мук!..

Дорогу трудную ты в юности избрала,
Во имя подвигов страданья: путь не нов,
Но до конца его дошло счастливцев мало,
Желанья темного в себе не поборов.

Когда мы встретились на том пути тернистом,
Пути единственном, который к Богу вёл,
Я опечален был; в твоем же сердце чистом
Звучал так радостно неведомый глагол.

Любовь, иное ль что влекло друг к другу, право,
Не знаю, милая, но жили мы одним,
И оба верили, что свято, нелукаво
Заветы вечные до гроба сохраним.

Душа изменчива! Дойдя до половины
Пути далекого, — он был суров и крут, —
Ты вдруг припомнила и рокот соловьиный,
И сад сиреневый, и лес, и томный пруд,

И негу знойную, которою колдуем
Мы душу грешную, и сердца верный яд,

Любовь ревнивую с отравным поцелуем, —
Ты всё припомнила: и ты ушла назад.

Но муки светлые сожгут туман, в котором
Ты так покоишься, дыша обманом чар,
И сердце страстное измучится укором,
И сны любви твоей похитит злой кошмар.

Вернешься к прошлому, покорна Божьей воле,
Порвав в отчаяньи хмельной и лживый круг! —
Читай письмо моё, читай его до боли,
До слёз неведомых, о, мой несчастный друг...

* *
*

Красивым нежным покрывалом
Он пал на землю чист и бел,
Застыл узором небывалым
И ниву бедную согрел.

Улыбка зимнего привета
Ласкает тихо грустный глаз,
А ветер, стукнув в кастаньеты,
Повёл снежинки в белый пляс.

Вдруг солнце... Тает дивный полог.
Прощай! Земля чернеет вновь...
О, первый снег, ты так не долог,
Как в сердце первая любовь!..

* *
*

Потрескиванье дров, похожее на сплетни;
Лукавый огонёк, как бабочки крыло;
Холодная зима. Но в сердце — вечер летний.
За окнами мороз. А на душе — тепло.

Я в комнате один. На полках дремлют книги;
Безмолвен на столе задумчивый портрет.
Прошла моя тоска, и сброшены вериги
Обманчивых страстей, вериги долгих лет...

О, мудрая печаль! о, грусть ее улыбки!..
Я полон тишины без мысли и без слов...
Мелькают огоньки, как золотые рыбки,
И Вечность слышу я сквозь алый шопот дров...

* *
*

Там за окном моим темно, ни искры света.
Дождём таинственным кто плачет там в тиши?
Кто жаждет ласки там, цветов былого лета
И ждёт мучительно родимого привета,
Тоскуя в поисках назначенной души?..

И осень чёрная там саван разметала
Над царством Времени, богини всех богов;
Земля, как нищенка, от дней своих устала;
Над кем-то Смерть вдали сквозь сон захохотала;
Там ужас каменный и мрак без берегов!

Здесь всё так ласково. Мой угол так уютен.
Мечта любимая, ты не увяла? — Нет!
Здесь отзвук улицы загадочен и смутен,
Покрытый голосом незримых флейт и лютен;
Здесь храм любви своей воздвиг герой — поэт!

Здесь грёза лунная, чертог из хризолита,
Вершина гордая загадочной горы;
Здесь я владыкою, во мне едином слита
Улыбка солнышка и мертвенность гранита,
Здесь я, единственный, творю свои миры!..

* *
*

Опять — один, опять — дорога,
Опять — удушливая мгла!
Мою любовь, — исканье Бога,
Меня понять ты не могла.

Прощай! За прошлый рай обмана
И за томительный угар,

За строчку блёклого романа
Несу тебе достойный дар.

Мой дар — для тусклых и несмелых,
Для тех, кто жалует шутов:
Венок из листьев помертвелых,
Букет растоптанных цветов.

* *
*

Давно изгнало нас из храма
Сомненье острое, как сталь,
Но чуда требует упрямо
Душа, познавшая печаль.

Тоскливо... То, что есть и было,
Опять вернется, точно вдруг...
О, как томительно уныло
Замкнулся этот серый круг!

Пускай сомненье жалит остро,
И сердце вялое молчит, —
Услышав имя «Калиостро»,
Теряет разум меч и щит.

Игра ль? Обман? Опять ли верим? —
Не знаю... тише: дума — враг!
И в самоцветный яркий терем
Уводит нас великий маг...

Вослед Иосифу Бальзамо
Идём мы смело... Круг исчез.
И, как по прежнему, упрямо
От неба требуем чудес...

* *
*

Внимая жизни долго, чутко,
Судьбой таинственной влеком,

Постиг я рано ложь, рассудка,
С его лукавым языком.

На думы сердца отвечали
Мне небо, поле и волна:
Есть радость мудрая в печали,
Без скорби радость не полна.

Далёкий тихого уюта
И к самому себе лишь строг,
Молюсь, не жалуясь, кому-то
И жажду ласки превозмог.

Обманом сердца не врачуя,
К земному чувствую вражду:
Чего так пламенно хочу я?
Кого томительно так жду?

Спешу вперед, бреду ль обратно,
Рыдаю ль в церкви возле свеч, —
Я верю в то, о чём так внятно
Твердит душе немая речь.

Мне места нет в краю родимом,
И равно чужды все места;
Иду я грешным пилигримом,
Иду один и без креста.

Я мукам рад, — их много-много,
Но жаждет их больная грудь.
Трудна безвестная дорога,
Но верен мой суровый путь.

Подачек жизни не приемлю
И знаю, где конец труду:
И небо сброшу я на землю,
Иль сам на небо я взойду!

* * *

Мы в холодный блеск луны
Пьяно, страстно влюблены,
В непонятный разговор
Затуманившихся гор,
В полувзгляды и в намёк,
В чуть мелькнувший огонёк:
Всё поняв, весь мир любя,
Потеряли лишь себя.

* * *

Перепояшь веревкой чресла
И скорбь земную заглуша,
Иди в пустыню, чтоб воскресла
Твоя распятая душа.

Того, что смертно, ей не надо, —
Свершилось: мир давно сгорел,
И поборовшей трепет ада
Назначен пламенный удел.

Лишившись призрачного крова,
Она навеки спасена
И благодатью Бога — Слова
К Нему, к Нему вознесена!

* * *

Я знаю мир! — для мёртвых нем он
И чар заветных не хранит:
Так обманул их хитрый Демон,
Задёрнув сумраком гранит.

Я знаю мир! — рабам он страшен,
Как призрак гробовой доски:
То Дьявол им сверкнул меж башен
Кровавым маревом тоски.

Я знаю мир! — как в балагане,
Живёт в нем пёстрый лицедей:
Так пошутил, смешав все грани,
Хулитель Бога и людей.

Я знаю мир! он не загадка
Для тех, кто кроток и убог,
Кто без страданий, кто так сладко
Земную радость превозмог...

* *
*

Сгорела страсть. Под серой грудой пепла
Погас навек ее безумный жар;
И, закалясь, моя любовь окрепла
Светла, чиста, свободная от чар.

Годами ждал мучительно кого-то
И сладкой лжи дарил себя на миг.
Сгорела страсть. И ласково с киота
Мне говорит о правде скорбный Лик.

И на земле теперь я, как прохожий,
Который путь свой держит в мир иной...
И только ты мне стала вдруг дороже,
С твоей любовью страстной и земной!

* *
*

Суров и печален таинственный путь,
Покорно несу я увядший венок,
И мёртвое сердце томит мою грудь,
И гонит куда-то неведомый рок.

Всё в жизни разбила моя же рука,
И душу об'яла тяжелая ночь.
Ты где-то и рядом, и так далека:
И видишь, и любишь, — не в силах помочь!

Но верю: когда добреду до конца
И буду искать я пути к небесам,
Ты вымолишь другу прощенье Творца
Во имя чего, — я не ведаю сам...

* * *

Уж позади моя дорога.
Кончая бурной жизни бег,
Я потерял в потёмках Бога,
И стал чужим мне человек.

Покинув храмы правды старой,
Вдыхал обманы лживых книг
И разлюбив земные чары,
Небесных истин не постиг.

Беги невидимого яда
Красивой лжи, красивых слов:
Любить земное людям надо,
Свой мимолётный бедный кров!

Скажи: я дольний мир приемлю,
Не страшен путь мой в серой мгле,
Поднять до звёзд сумею землю
И небеса пригнуть к земле...

Скажи и сделай! И в узоре
С мечтою жизнь сольется вновь,
И ты в своем смиренном горе
Постигнешь вечную любовь.

Весь мир ты сделаешь чертогом
И правду в нём зажжешь навек, —
И человек там станет Богом,
Раз Бог сошёл, как Человек!..

* * *

Когда в мучительном бреду
Без грёз, без сил я изнемог,
В моем безжизненном саду
Расцвёл таинственный цветок.

Когда погасло всё вокруг,
И сумрак душу победил,
В далёком небе кто-то вдруг
Затеплил новый мир светил.

Когда пред пологом завес
Смирил я сердце и уста,
Душой бестрепетной воскрес
Я, веря в Господа-Христа!..

* * *

Ладья моя, снимись с причала!
Я в воду выбросил всю кладь
И начинаю жизнь сначала,
Как Бог велит её начать.

Я сжёг любимые портреты,
Я выжег память о былом. —
О, берег жизни новой, где ты?
Простор, безмолвие кругом...

Лист первый жизни начинаю
С улыбкой именем твоим...
Куда плыву, зачем, — не знаю
И чьей молитвою храним?

Быть-может, бури, холод, скалы:
Кто пожалеет? Кто поймёт? —
Ладья моя, снимись с причала, —
Мне всё равно... Вперед, вперед!.

* * *

Тоски моей отравленное жало,
Мне от тебя пощады нынче нет...
Сегодня мне уж тридцать восемь стало,
А вам — всего, всего шестнадцать лет!

Я не могу, — нет сил, — не кинуть взгляда
В былые дни, где прошлое мертво,
Как не могу, хоть этого не надо,
Вам не сказать всего, всего... всего.

Сегодня днём (расстались на заре мы)
Я на могиле долго просидел,
Но не принёс ни пышной хризантемы,
Ни тихих верб, ни ласковых омел.

Скупые слёзы Маме были даром,
Моя тоска была моим венком;
Но даже там, подвластный новым чарам,
Я к вам, да, к вам мечтою был влеком.

Я перечёл предсмертные страницы,
Слова любви страдалицы родной.
Там в синеве звенели где-то птицы,
А там, вдали, зеленою каймой

Дремала роща и к себе манила,
Как будто вы там ждали у реки... —
И улыбнулась ласково могила,
И улыбнулись тихо мотыльки.

Да, год назад на этом самом месте
Я был таким же, будучи другим:
От вас тогда имел скупые вести,
И Божий мир мне не был дорогим.

Сегодня... Но слова мои едва ли
Приятны вам, а я готов опять
Вам говорить про то, как опоздали
Вы с нашей встречей... Нет, вам не понять

Моей любви, моей тоски без края!
Как рассказать? Мой голос слишком слаб...
Ах, отчего вы, право, не такая,
Как все кругом! Я не любил тогда-б,

И годы все безумных ожиданий
Минули-б зря, как призрачный роман,
Как грустный сон надгробных изваяний
Иль над рекою розовый туман!..

Нет, я не прав! — пускай вы опоздали,
И вас верну мне давшей вас волне,
Хочу тоски, хочу такой печали:
Она теперь всего дороже мне...

Что безнадежность! — разве нет в ней смысла, —
Её мне Бог послал, как светлый луч...
Шестнадцать... тридцать восемь... — эти числа
В душе моей, увы, чернее туч!..

И видеть вас, жить рядом я не в силах:
Я уезжаю... навсегда. Нет, ложь!
Я возвращусь, — дал клятву на могилах, —
К тебе тогда, когда ты позовёшь...

Но берегись: не опоздай вторично,
Не опоздай по собственной вине!
(Пишу на «ты»: хоть это неприлично,
Любовь моя, но вы простите мне!).

Но если врозь идут дороги наши,
И навсегда порвется эта нить,
Я вам скажу о той ужасной чаше,
Которой яд придется вам испить.

Открою я, поверьте, волю Божью:
Вам суждено тогда любить не раз,
Но всякий раз всё будет только ложью, —
Я это знал, пока не встретил вас...

В душе умрут таинственные звуки,
Как саван, всё покроет мертвый лёд.
И будут вас любить до жуткой муки,
Но никогда никто вас не поймет.

Судьбы закон начертан в человеке,
В судьбе своей не властен человек:
Лишь я один пойму тебя навеки,
Лишь я один люблю тебя навек!..

Тебя искал я, жизнь свою ломая;
Любя другихъ, любил в них образ твой...
О, мой Господь, теперь я понимаю,
Зачем я жил, страдал и что порой

Тебя видал я в вещих снах! — Невольно
Я стал болтлив, оставя чинный слог...
Простите мне и грусть и то, что больно
Уйти от вас, перешагнув порог.

Итак, уйти? На время? Навсегда ли?
Остаться здесь? — Зависит всё от вас.
В моей любви горит звезда печали.
Кладу перо... Так любят в первый раз!

* *
*

«Ах, опять они шуршат
И так близко-близко! —
Приходи ловить мышат,
Серенькая киска...

Мама, как боюсь я их:
Лезут из-под шкапа. —

Отчего твой тот жених
Мне совсем не папа?

Морду остренькую спрячь,
Не гляди так зорко...
Мама милая, не плачь:
Кинь портрет в ведерко!

А его, как подрасту,
В сердце укушу я!..» —
«Нет, помолимся Христу
Тихо, не горюя.

Нет, голубка, нет, — он прав,
Я лишь виновата:
У меня был глупый нрав
В юности когда-то.

Ты укусишь? всё равно
Будет всё иначе:
Знаю я, что суждено, —
Оттого и плачу...

Он простил мне, он — не враг,
Он меня жалеет,
А тебя полюбит так,
Как лишь он умеет!

Он тебя с собой возьмёт
(Ты полюбишь тоже!)
Или — в сердце будет лёд,
Как у мамы!.. Боже!..» —

«Не гляди так на меня!
Папа... милый... где-ты!
Мама, мама!.. Дай огня!
Я боюсь портрета!» —

«Не тужи! Засни скорей:
Смолкли злые мыши!» —
Время шепчет у дверей:
«Тише... Тише... Тише!»

* *
*

Тебя ожидал я в часовне.
Бежали часы, ты не шла.
В душе становилось греховней,
И реяла жуткая мгла.

Не в силах тебе рассказать я,
Как жизнь без тебя мне пуста!
Тебя оскорбляют объятья,
И ранят до сердца уста...

А жизнь всё короче, короче!
Темно: верно, будет гроза.
Ты прячешь от всех твои очи,
Не смотришь мне прямо в глаза...

Минувшая жизнь неужели
Повторится! — Снова страдать?
Молебен давно уж отпели,
Тебя — не видать, не видать!

В часовне стою у колонны,
В душе только холод и страх:
Ты смотришь тоскливо с иконы, —
Младенец мой в этих руках!

Чуть веет дымок от кадила;
Свечей угасающих звук...
О, Матерь Господня, дай силы
Тому, кто полюбит до мук!..

* *
*

Испугав мой хор видений,
Рассмеявшись звонко,
Ты кидаешься сиренью,
Гадкая девчёнка!

Вот стихи упали на пол;
Не могу писать я. —
Отчего я вдруг заплакал,
Взяв тебя в об'ятья?

Отчего так в жизни редко
Счастие без тучек,
Ты не знаешь, моя детка,
Мой алмазный лучик?

«Я мешаю? — Рви мне уши!»
(А сама их прячет!) —
Кто вселился в наши души
И тихонько плачет?

То — она, любовь: боится
Времени и рока
И как раненая птица,
Плачет одиноко.

Но не сетуй, будь смелее
И люби, и веруй:
Я силён, и я сумею
Сладить с жизнью серой!

Я сумею... одним словом,
Кинь еще сирени! —
Счастье наше — под покровом
Божеских велений...

* *
*

Обещала: «ровно в восемь».
Скоро десять: нет и нет...

В сердце — гадко, в сердце — осень:
Буду злиться... на портрет.
Ты с него глядишь так мило,
Что сердиться мочи нет...
Ровно в восемь? — полночь била!
Слёзы каплют на портрет...

* *
*

Как пустыня обезводнена
Моя жизнь во тьме бездонной:
В твоём сердце — моя родина,
В нём светло, как пред иконой.

Путь далекий, словно выточен
Весь из камня-самоцвета;
Сон любви моей несбыточен,
Без конца и без ответа.

Но в тебе вся жизнь разгадана
Мудро так и так смиренно:
Твои грёзы — струйки ладана,
И любовь твоя — нетленна.

Ты жила земною пленницей,
Мой покой — навек утрачен:
Всё минует, переменится, —
Светлый путь нам предназначен.

Да исчезнет всё безвестное! —
Божья Мать не будет строгой:
Вступим в Царствие Небесное
Мы одной, одной дорогой...

Как пустыня обезводнена
Моя жизнь во тьме бездонной:
В твоем сердце — моя родина,
В нём светло, как пред иконой...

* * *

Мой сон отравлен. Где-то ты
И тоже ты не спишь.
А на столе молчат цветы;
Молчит ночная тишь....

Твой сон отравлен. Как стрела,
Тоска пронзила грудь.
Меня теперь не поняла,
Поймешь... когда-нибудь...

* * *

Не ожил ты, букет сирени,
Стоишь, как серый мавзолей,
И не наступит день весенний
Для этих мертвенных ветвей.

Да, без любви тебя собрали
О, милый, милый мой букет:
Где нет любви, там — мрак печали,
Где есть любовь, там — скорби нет...

Не ожил ты, мечтатель чудный,
И взор твой пламенный поник, —
Настал твой вечер, вечер трудный,
А счастье было лишь на миг.

Да, без любви тебя встречали, —
Молчаньем был ее ответ:
Где нет любви, там — мрак печали,
Где есть любовь, там — скорби нет...

* * *

Свою целую руку, —
Она держала твою.
Сейчас терплю я муку, —
Недавно был я в Раю.

Со мной когда стояла,
На небо видел я мост;
Ты мне сказала мало,
Твой голос был из-за звёзд.

Узор луны на камне:
Застыла светлая нить. —
О, как ты дорога мне...
О, как тебя не любить...

Ушла. Уста сомкнуты,
В душе — предсмертная дрожь.
Начну считать минуты,
Пока опять не придешь...

Свою целую руку, —
Она держала твою,
Сейчас терплю я муку
За то, что был я в Раю...

* * *

Я молился долго, горько
У семи дорог.
Гасла тихо в небе зорька.
В сердце умер Бог.

Свет луны над старой башней.
Горный воздух бел.
Всё прошло, как сон вчерашний.
Кто-то грустно пел.

Так добра и так жестока...
Кто-б подумать мог!
Я молился одиноко
У семи дорог.

* * *

Утомился мой рассудок!
Мы пойдём, мой друг, с тобой
Этим морем незабудок,
Этой далью голубой.

Как забыть печаль былую!
Кто поможет: люди? Бог?
Мне не стыдно, — я целую
Легкий след от милых ног.

На реке светло, чуть зыбко;
Всюду солнце: ведь, весна!
Отчего твоя улыбка
Так пуглива и грустна?

«Безнадежно... неизвестно», —
Всё твержу я, как больной...
Как мне жутко, как мне тесно:
Рядом ты и — не со мной!

Пахнет цветом диких вишен;
Что-то тихо шепчет рожь... —
Мир души твоей мне слышен!
Ты, как Бог, во мне живешь!..

Небо — море ярких пятен.
Молча мы идём межой. —
Да, тебе я непонятен
И почти, почти — чужой!

Ветра трепетные волны...
Тише! спи, рассудок мой...
Как люблю я... Впрочем, — полно:
Вам — пора, пора — домой!..

* * *

Тихо дремлет развесистый клён
Над печальным покоем могил.
Я всегда был в кого-то влюблён,
Но ни разу еще не любил.

Мягко стелется солнечный свет,
Слышен шопот весеннего дня. —
Мама, помнишь последний обет
Быть всегда и везде близ меня?

О, как плачу у мраморных плит,
Хоть былое давно превозмог.
И печаль моя спит и не спит,
Словно утром в кустах ветерок.

Ты со мною! Трепещет душа
И покорна, покорна судьбе.
Я молюсь... О, как ты хороша! —
Разве Мама моя не в тебе?

Разве послана мне ты Христом
Не за скорбь — за её и мою? —
Мама Бога молила о том,
Чтоб любили мы здесь, как в Раю...

От земли до нетленных небес,
Видишь, высится светлый чертог...
Мрак из сердца навеки исчез:
О, родная моя, это — Бог!

* * *

На спине — от стен пятно,
До колен юбчёнка;
То — иконою глядит,
То — портрет галчёнка.

А в глазах — то Божья скорбь,
То вдруг — бесенята;
В голове, на голове —
Спутано и смято.

То — в печали светлый смех,
То — в улыбке мука;
То лепечет, как дитя,
То молчит, ни звука.

То безмолвен я и зол,
И взираю строго,
То я счастлив и молюсь,
И люблю, как Бога.

* * *

Нас в горний мир увёл Бетховен;
Из звёзд и звуков был наш путь.
Твой милый взор был чист и ровен,
И сладко-сладко ныла грудь.

Казалось мне, что в небе липы
Аллеей светлой пролегли:
Но чу... несутся стоны, хрипы
С далекой маленькой земли...

И в небе там в тоске душевной
Нам стало жалко тех внизу:
Увидел я, моя царевна,
Твою дрожащую слезу.

Повсюду Смерть, и нет в ней смысла,
Страдает бедная страна;
Весов колеблет коромысла
Завистник Божий — Сатана...

Тот мир мы видели когда-то,
И чудный образ в нас запал...

Но вот окончилась соната:
Опять земля и скучный зал.

Потом, целуя твои руки
И полу-детские уста,
Я вновь услышал те же звуки:
В тебе их пела Красота.

* *
*

«Я забежала совсем на минутку:
Наши все дома и чуют, где я.
Как ты печален! Сердит? Не на шутку?
Разве не мой ты, а я — не твоя?

Право, мой милый, я вовсе не злая
И не ребёнок (уж много мне лет!) —
Как не поймёшь ты: тайком, ведь, ушла я, —
Ну, коли спросят! — я что им в ответ?

Ты меня любишь и ждал? — Я хотела
Раньше придти, но следят все кругом.
Мне не до книжек теперь, не до дела, —
Всё опостылело, даже наш дом.

Что написал ты? Стихи? Про меня ли?
Хоть улыбнись... поцелуй... — Фу, какой!
А еще умный! — Сыграть на рояли? —
Кто подарил тебе этот левкой?

Ты недоволен, что вместе мы мало!
Разве мне легче? Но как же нам быть?
Хочешь, чтоб дома я всё рассказала?
Боже мой, как это трудно — любить!

А!.. рассмеялся! — Теперь побегу я!» —
Смотрит спокойно, печаль затая;
Смотрит и шепчет, как будто колдуя:
«Разве не мой ты, а я — не твоя?» —

Скрылась. Один я. Да полно, была ли
Здесь моя ласточка! — Нет, всё ушло:
Сон мне пригрезился в муках печали!..
Кто мне сказал, что *любить — тяжело*?

Пахнет цветами в саду над откосом.
Сон, ты умчался в какіе края?
Кто озарил мою душу вопросом:
«Разве не мой ты, а я — не твоя?»...

* *
*

Богородица, Дева Святая,
Мою грешную жизнь обнови:
Да забудется скорбь прожитая
В моей первой — последней любви.

Утомившись от мук бездорожья,
О, как долго по миру плутал! —
Превратилось давно, Матерь Божья,
Это сердце в холодный металл...

И не поздно ли Ты ниспослала
Мне подругу на новом пути?
Вдруг осталось мне жить слишком мало,
И до цели вдвоём не дойти?

Сбереги-же, Святая Царица,
Друг для друга две верных души:
Пусть любовь их навек сохранится
В Божьей правде и в светлой тиши!

Горе будет ли, радость какая, —
Пусть два сердца сольются в одно...
Защити ее жизнь, о, Благая,
Если мне вдруг уйти суждено...

Пусть уход мой не будет замечен,—
Ведь она еще так молода...
Я умру... путь земной мой не вечен,
Но любовь — никогда. Никогда!..

* *
*

Лучше верить, чем узнать;
Горе внемлет жизни чутко;
Душу надо в миг отдать;
Сердце знает ложь рассудка;

Кто разлюбит, тот — в крови;
Мудрость поздно — горше скуки;
Дней минувших не зови;
Память — витязь однорукий;

Светлый взор — нежней цветка;
Грёза жалит остро-остро;
Скорбь от милых рук легка;
Мысль и Смерть — родные сестры;

Есть в молчаньи ложь без слов;
Мир любить нельзя немного;
Радость — крепче всех основ;
Счастье — путь людей до Бога.

* *
*

Загляни к ней, солнышко, в кроватку
И, целуя смуглое плечо,
Приласкай тихонечко, украдкой,
Нежно-нежно так... не горячо.

Не спугни лазоревого сна ты,
Про любовь мою ей расскажи,
Принеси из сада ароматы
И шепни чуть слышно: «не тужи»...

Пусть она забудет всё, что было
В жизни злого, серого на миг,
Пробуди в ней дремлющие силы,
Знойных чар неведомый родник...

Загляни к ней в детскую кроватку,
Кинь на грудь ей солнечную нить...
Я пройду под окнами украдкой,
Чтоб её в тиши перекрестить...

* * *

Звенит певучий улей,
Сверкает ручеёк:
Покоен я, люблю ли, —
Мне, право, невдомёк...

Господь — подать рукою...
А лес шумит-шумит...
«Всё льётся?» — Бог с тобою,
Лгунишка Гераклит!..

О, марево рассудка!..
Какая благодать!..
Сумей, моя малютка,
Всё это разгадать!

* * *

У принцессы Изоры,
Хоть шестнадцать ей лет,
Грустью ранены взоры.
О, бедняжка — Изетт...

На балу и на мессе,
Средь полей, меж лесов —
Всюду слышен принцессе
Чей-то ласковый зов.

Астролог Иеронимо
Дал ей звездный ответ:
«Путь твой — выше, но мимо,
Мимо жизни, Изетт!»

Где у жизни граница?
Разве плачет звезда?
Разве может не сниться
Красоте Красота?

Что-ж милее вам, Иза, —
Чётки, мяч иль свирель?
Королевой каприза
Вас прозвал менестрель.

Отчего всё так серо,
И не сносен вдруг мир:
Комплимент кавалера
И веселый турнир?

Полюбил вас недавно
Провансальский поэт?
Но любовь своенравна,
О, бедняжка—Изетт.

Выдал тайну Леоно
Иезуит — духовник:
Умер сын Аполлона
За божественный миг...

Как мучительно тесен
Этот призрачный свет,
Ты узнала из песен,
О, бедняжка—Изетт?

О, тоска ожиданий:
Вот сейчас... вот теперь...
О, отрава желаний
Для грядущих потерь!

Счастье встретит Изора?
Скорбь уйдёт без следа? —
Может-быть, очень скоро,
Но верней — никогда!

* * *

Старые вязы стоят за окном, как ограда чугунная;
Тихая-тихая ночь сторожит нас так чутко.
Ночь—как любовь твоя, светло-холодная, чистая лунная...
Спи, мой цветок нерасцветший, моя незабудка!

Нет, ты не слышишь, как нежно целую я губы раскрытые!
Та же улыбка на них притаилась, что днём...
Кладбище вспомнил далёкое, вспомнил унылые плиты я:
Ах, для чего я с тобой! — Мне пора быть на нём!

Мне захотелось, устал я, покою, покою тенистого:
День мой давно догорел, так угодно судьбе.
Как мне зажечь в тебе пламя, которым так знойно, неистово
Сердце пылает безмерной любовью к тебе!

Как разгадать мне любовь: из земных иль небесных садов она?
Солнцем живёт или только холодной луной?
Ты точно ангелом грустным за что-то навек околдована...
Может-быть, ближе меня будет кто-то другой!

Месяц стал белым, как платье твоё; звёзды светят топазами. —
Милая... нет,—позабудь мою скорбь: это—шутка...
Ветер, потише там ссорься с унылыми старыми вязами!
Спи, мой цветок нерасцветший, моя незабудка...

* * *

Ты холодна, точно лунного глетчера
Светлая строгая дочь;
Ты — красота нежно-ясного вечера:
Грустью любви не порочь.

Ты глубока, точно море; загадкою
Сердце моё ты томишь
И по земле ты проходишь украдкою
Прямо в надзвёздную тишь.

Знаю, судьба ткёт нам нитку за ниткою
Жизни прекрасный узор...
Ночи и дни без тебя стали пыткою;
Время горит, как костёр.

Дума бесплодная, скорбь непробудная,
Видишь, — бегут они прочь.
Слушай, как шепчет там ночь изумрудная:
Грустью любви не порочь...

* * *

Не спорь, не думай о цели, —
Смиренно правды жди:
Слова давно отзвенели, —
Жизнь впереди!

Не спорь, не думай о Боге, —
Все мысли — злая ложь:
Иди по светлой дороге, —
Верь и найдешь!

Не спорь, не думай о мире, —
Для сердца нет завес:
Любовь бессмертная шире,
Ярче небес!

* * *

Этою вешнею ночью
К смерти я не был готов:
В сердце таинственный зодчий
Выстроил храм из цветов.

Ты?.. в этот час? Были босы
Смуглые ножки. В саду
Пали медвяные росы.
«Ты не уйдешь?» — «Не уйду.» —

— «Был я сегодня угрюмый,
Что-то терзало мне грудь.» —
«— Милый, не думай, не думай:
Всё навсегда позабудь!» —

Благовест к ранней обедне.
Солнцем убита заря.
«— Дай поцелуй мне последний,
В сердце молитву творя!» —

Смуглые ножки чуть слышны.
След золотой на песке.
О, помоги мне, Всевышний,
В этой безумной тоске!..

Разве не будет уж ночи?
Разве я к смерти готов?
Разве не выстроит зодчий
Новый алтарь из цветов?

I

Не печаль и не грусть, и не страх
Перед ужасом близкой разлуки
В этих скорбно-усталых глазах, —
Нет, истерзан я демоном скуки.

Мне на свете теперь — всё равно,
Даже ты показалась вдруг лишней.
Если то же и впредь суждено,
То Тебя прокляну я, Всевышний!

Надоел мировой карнавал,
Колыбелей, гробов вереница!
Ласки я никогда не знавал,
А любовь только может присниться...

Отчего моя муза так зла?
Что случилось сегодня? В чём дело? —
Ты кольцо мое робко взяла,
Но на палец его не надела...

II

Не лазоревый смех, не восторг,
Не мгновенная радость забавы,
Не мираж мои цепи расторг, —
Кто мне в душу сверкнул, Боже правый!..

Как бездонно любовь глубока!
Светит Вечность во мне без печали,
И нетленных миров берега
Эти жадные очи искали.

Что сияет внизу, — не земля-ль?
О, любовь без конца, без заката! —
Всех людей мне вдруг сделалось жаль,
В каждом сразу почувствовал брата...

Отчего моя муза светла?
Что случилось сегодня? в чём дело? —
Ты вернулась, ты робко вошла,
И кольцо в твоем сердце горело...

* * *

Ваше сердце, Ирен, —
Обольстительный плен,
Незаметные милые сети;
А разрез этих глаз,
Помню, видел я раз
На старинном французском портрете.

Ваши мысли, слова —
Из цветов кружева
И сверкают, и брызжут лучами;
Вашу грудь и ваш стан,
Лёгкий, словно туман,
Я-б одел дорогими парчами.

Ваша кожа смуглей
Золотистых полей,
Дышит солнцем, лавандой и мятой;
Голос тихий грудной,
Звукам Баха родной,
Тает нежной, как призрак, сонатой.

С вами так мне легко
Унестись далеко
В старину, в старину золотую.
Сам я длю этот плен,
Моя сказка — Ирен;
Но люблю я... люблю я другую!

Та — как небо проста,
Та — как небо чиста, —
Ничего, ничего в ней земного:
В ней — блаженство огня
Беззакатного дня;
Вся она — Божество без покрова.

С вами только шучу,
Улыбаясь лучу, —
Мне мила голубая интрига:
Ей, молясь и любя,
Всё — и песнь и себя
Я отдам до последнего мига!

С ней мой путь в небеса,
Где иная краса,
Где ни тьмы, ни печали, ни Смерти! —
Вас, земную Ирен,
Ваш ласкающий плен
Я и там не забуду, поверьте...

* * *

Ты вся — с картины Боттичелли,
Цветок небесных берегов.
Уста мои сказать не смели
Тебе слова земных сынов.

Где ты, там — церковь, там — граница,
И веет Божья благодать;
Тебя любить, — тебе молиться
И тосковать, и тосковать.

Людских страданий ты не знала
И рождена для тихих встреч,
И звуки строгого хорала —
Твоя таинственная речь.

И только сны мои дерзали
Увить цветами светлый храм
И сердце, полное печали,
Повергнуть к трепетным ногам.

Но днём уста мои не смели
Слова земной любви сказать...

Ты вся с картины Боттичелли.
Ты вся, как Божья благодать.

* * *

Пахло маем. Утро пело.
Луг смеялся. Пруд играл.
Бронза — девственное тело;
Брызги — жемчуг и опал.

Птицы смолкли. Вётлы спали.
Белый пар. Шумел камыш.
Небо — храм из синей стали;
В сердце — каменная тишь.

Пала тень. Сверкнули росы.
Легкий шорох. Умер зной.
Ты собрала в узел косы
И смеялась надо мной...

* * *

Золотая девочка, сон любви великой,
Очи твои милые — чёрные гвоздики.

Дорогое солнышко, радость жизни краткой,
Сердце твоё мудрое — Божии загадки.

Неземная весточка, берег бездны синей,
Оба мы — в изгнании, оба мы — в пустыне...

* * *

Мы сидели на граните;
Я обманывал судьбу.
(Силы Божии, простите
Одинокому рабу!).

Было грустно, точно в храме;
Летний вечер тих и прост;
Над немыми берегами
Реял чёткий шопот звёзд.

Ты молчала. Ты глядела
Как-то мимо, будто вдаль,
Словно дух один без тела.
И тебя мне стало жаль.

Заплуталась и — в себе же,
Среди двух больших дорог,
И всё меньше, и всё реже
Близ тебя и свет, и Бог.

От меня хоть не ушла ты
Никуда и ни к кому,
Всё же больно от утраты, —
От какой? — потом пойму!

Разве скорбь была вначале?
Что об'ятья? — глупый жест!
Но в тебе — мои печали,
На груди — мой бледный крест!

Расставанье — скоро, скоро,
На земле не будет встреч;
Не гляжу я: эти взоры,
Знаю, — гибель: взоры — меч...

Нет любви? Ты не любила? —
Всё равно мне, о, поверь...
Но тебе какая сила
В Божий Рай откроет дерь?

Я уйду без поцелуя,
Только — раз перекрести.
Что случится, не скажу я,
Но любовь ты мне прости.

Мы сидели на граните.
Что обманывать судьбу? —
Жизни призрачные нити
Мы распутаем — в гробу!

* * *

Я глаз твоих давно не видел наяву.
Не думаю, чтоб взоры были те же
И так же гордо, ясно смотрят в синеву. —
Неужели они не блещут реже?

Я губ твоих давно не мучил наяву.
Уверен я, что трепет их печален,
Когда одна теперь ты бродишь и траву
Срываешь грустно, молча близ развалин.

Я слов твоих давно не слышал наяву,
Но знаю, в них теперь живут рыданья
Ребёнка, взятого в холодную тюрьму,
И жуткой, страшной муки ожиданья.

Духовный взор мой чётко видит всё, поверь,
И Божьи сны давно пророчат веще:
Моя любовь тебе откроет в небо дверь
Иль жизни наши в миг, смеясь, расплещет...

* * *

Неба черная эмаль
Пологом над дачей.
Что в окне там, — не свеча-ль?
Кто беззвучно плачет?
Сыро. Хмуро. Сон угас.

Тьма. Собака воет.
Что случилось тут? Сейчас?
Что со мной такое?

Мы — в разлуке: оттого-ль
Всё вокруг темно так?
В нас обоих — та же боль,
Оба мы — в тенётах.

Боже мой, не умерла-ль
Вдруг любовь навеки?
Нет: то мира вся печаль
Стонет в человеке...

* * *

Мы прощались у калитки.
Я молчал. Молчала ты.
Горше слёз и хуже пытки
Сразу падать с высоты.

Сердце я ношу с из'яном,
То страдая, то шутя.
Вместе жизнь прожить нельзя нам,
Мое милое дитя.

Путь твой светлый из жемчужин
Охраняем Всеблагим,
Я истерзан, я ненужен
Ни себе и ни другим.

Не дари мне поцелуя
На прощанье у крыльца, —
Сожаленья не терплю я:
Буду гордым до конца..

А когда приду к подножью
Правды вечной в небесах,
Я скажу, что правду Божью
Видел я в твоих глазах.

Буду в скорби и в печали
Ждать я Страшного Суда,
Хоть уста мои не лгали
Никому и никогда.

Попаду я в ад, похоже:
Мне покажется он мал.
Что мне эта пытка, Боже? —
Я любил и я страдал...

В небесах ли, в преисподней
Всё равно, я твой навек.
Ад и Рай — в руке Господней,
Но, ведь, любит человек!..

При прощаньи наши лица
Залил скорбно лунный свет.
Всё погибло. Мне не спится.
Спишь ли ты? Конечно... нет!..

* * *

Дождь свои капли на нас
Матовым бисером нижет.
Знаю, разлука сейчас:
Будем чем дальше, тем ближе.

Капли дождя, капли слёз
Ветер смешал на лице мне.
Кто разрешит мой вопрос? —
Бог одиноким не внемлет.

Праведен Он, но жесток,
Правда Его далека мне. —
Твой пожелтевший цветок
Бросил на серые камни.

Да, я растоптан и смят;
Да, тяжело свыше силы;
Да, мой израненый взгляд
Мука земная убила!

Я не стыжусь этих слёз, —
Сильный страдет сильнее.
Разве не плакал Христос,
Скорбью земли пламенея?

* * *

О, в какую злую заводь
Мы заплыли с вами!
И никак нельзя исправить
Этого словами...

И камыш глядит уныло,
И печальна лодка...
Ах, забудемте, что было:
Прошлое — не чётко!

«Ни себе, ни вам не верю!» —
Но тогда кому же?
Предсказал я вам потерю,
Посулю и хуже...

Примечталось (между прочим!)
Нам обоим что-то,
Но — прошло ... А мы хлопочем:
Лишняя забота!

Небо как не помогло вам, —
Вы и там любимы!..
Что-ж, привыкнете к оковам
И пройдёте мимо...

Два пути, но цель едина;
Путь один, — две цели...

Трудно плыть: повсюду тина,
На мель чуть не сели...

Вот и берег. Сыро. Слякоть...
То не сон ли, право!..
Но зачем, скажите, плакать? —
Посудите здраво...

О, какая злая заводь...
Что-ж, — конец? граница? — —
Коль умеете вы плавать,
Трудно утопиться!..

* * *

Я не показываю глаз:
Должна могила быть зарыта.
Молчи, безумный их рассказ:
Людская жалость ядовита...

Забудь любовь мою! Ответь:
Зачемъ любить? Немая тень я,
Мне только-б тихо умереть,
Не чая муки Воскресенья...

А ты не плачь! — Пойми хоть раз:
Игру кончаю, карта бита! —
Я не показываю глаз:
Должна могила быть зарыта...

* * *

Тебе вернувши счастья Розу,
Себе оставил скорби Крест.
Из сердца выдернув занозу,
Я вновь ушёл из этих мест.

Шучу. Хоть, право, не до шуток:
Чем звонче смех, тем боль сильней...
О, как убийствен и как жуток
Последний стон последних дней!

* * *

Все мы великаны
Маленького роста
Разве есть обманы? —
Так всё просто-просто...

Ты меня любила
И совсем недавно:
Право, это мило
И чуть-чуть забавно...

К Богу далеко нам?
Грёзы все изжиты? —
Ах, молись иконам:
Хватит... Не тужи ты...

Всё, что в нашей силе,
Крепко до... погоста.
Жили и не жили...
Видишь, как всё просто! —

* * *

Итак, пришли к последней грани:
Вся жизнь осталась в стороне
В каком-то дьявольском тумане.
Темно вокруг. Темно во мне.

Страдали, жили — для того ли,
Чтоб сразу всё утратить вдруг?
Ужасно: две разбитых доли
И две дороги крестных мук!

К чему мне радость за могилой!
Хоть я — мечтатель неземной,
Но жажду здесь улыбки милой
И чтоб ты здесь была со мной.

А небо? Вечность? — Тут начало
Пусть будет светлого пути!
Господь, дай счастья, — Рая мало:
Я не хочу один идти.

Ушла? — не кинув мне ни слова?
Ведь всё равно — придешь назад:
О, как убийственно-сурово
Сверкнёт тогда мой жуткий взгляд!..

* * *

Сердце чует, что быть худу.
Всё — обман и ложь?
Знаю, знаю: плакать буду,
Только ты уйдёшь.

Но когда алтарь разбитый
Ты в себе найдешь,
О, тогда мы будем квиты...
Всё — обман и ложь?

* * *

Сладко грезится так над Тургеневым
И при том — в золотые года.
Примелькнулась в тиши светлой тенью вам
О любви дорогая мечта.

Мы столкнулись. Отравою Тютчева
Вы убили заветное в миг. —
Что-ж, ищите удела вы лучшего
Меж людей, средь изысканных книг!..

Ухожу. Полюбил слишком поздно я, —
Разорвалась ненужная сеть.
О, судьба и смешная, и грозная:
Никогда не живя — умереть!..

* * *

Боль до стона.
Жутко снится
То икона,
То блудница.

Ни начала,
Ни остатка...
Ах, как мало,
Ах, как кратко...

Сказка — та же,
Песни — те же...
Всё — в мираже,
Думы — реже...

Верить — глупо:
Грех — короче...
Мы — два трупа! —
Доброй ночи...

* * *

Ни «да», ни «нет» не говорили
Твои упрямые уста.
Виновен я, виновна ты ли,
Но сразу стала жизнь пуста.

Я помню ты мне «да» сказала,
Без дум, сомнений, просто — так.
Не надо слов, — в них правды мало.
И скорби ключ в тебе иссяк.

Но вдруг рассудок, враг твой давний,
Сказал любви злорадно: «нет»...
Ночь. Ветер бьёт озябшей ставней.
Цветы увяли. Скучный бред.

Гляди вперёд, сорвав покровы:
Один венец для нас. Но чей? —
Иль нами свитый, но — терновый,
Иль Богом данный — из лучей.

Как выбрать! Боль сжигает душу,
Но знаю, не изменит сталь:
Скажи, — я сразу всё разрушу..
О, трупу ничего не жаль!

Но берегись: когда все силы
Растратишь ты — и не в бою,
Приду к тебе я из могилы,
Чтоб поглядеть на смерть твою.

Иль, может, и тогда упрямо,
Всё потеряв, ты скажешь: «нет» ?..
Итак, венец иль злая яма:
Решай сама! — Ответ! Ответ!

* * *

Познал тоску я слишком рано,
Почти ребёнок был боец;
В чаду кровавого тумана
Меня манил святой венец.

Когда я шёл уже к победам,
Не замечая ран внутри, —
Всё стало вдруг кошмарным бредом. —
И загасил я алтари.

Увидел я, что я бессилен
Вернуть поток ушедших дней;
Холодный сумрак был могилен,
А сердце — камня тяжелей.

Не верил я ни снам, ни встречам;
Оставил Бога; бросил бой. —

И сразу стало жить мне нечем,
И стыдно было пред собой.

Но ты пришла. Как сердце ждало
Тебя давно, давно, давно...
Ах, ты на Вечность опоздала,
И мне ожить не суждено.

То рано всё, — то всё так поздно:
Я не ропщу, но как мне жаль...
О, сон мой юный, сон мой звёздный!
О, предзакатная печаль!..

Ты тоже бурей злою смята:
Твоя душа — в моём плену...
О, круг железный без возврата,
О, жизни цепь! Звено к звену!..

Пускай! — но сон мой вещий зорок:
Я здесь тоске тебя отдам,
Но в небесах, где гаснет морок,
Где Время стёрто, — радость там!

Что поздно там и что там рано?..
Господь, веди же: я готов! —
Но как люблю я боль обмана,
И как мне жаль земных цветов...

* * *

Что-ж? вы ошиблись? — мечта увлекла вас красивым обманом? —
Спорить с судьбой не хочу: может-быть, что она суждена нам.
Что вам сказать на прощанье? В радостном сне, наяву ли
Мы искрометными звёздами в жизни друг другу сверкнули.

Вы улетите вперед, не жалея изменчивых теней, —
Ваша любовь была сказкой или просто мечтою весенней;
Мне в моем будущем... нет, не скажу, но поверьте,
Этой последней и первой любви жить, не ведая Смерти!
К небу меня поведет она прочь от земли и печали!
Сможете-ль вы так любить? вас полюбят ли так? о, едва ли...
Что-ж, вспоминайте мой раненый взор, мои песни и речи...
Как благодарен я Богу и вам за удар нашей встречи!
Но не хочу вас печалить... Слеза не скользнёт по ланите.
Господи, как тяжело мне. Молчанье. Целую. Простите...

* * *

Я смял вас, милые цветы
И отдал грёзам дань я:
В страданьи меньше красоты,
Чем в красоте страданья...

Сгорело всё. Лишь чад и дым,
И в пепле жуткий шорох.
Всю жизнь я буду молодым,
С печалью в светлых взорах...

Я вдаль уйду. Уйдешь и ты, —
Сулит Господь скитанья:
В страданьи меньше красоты,
Чем в красоте страданья...

* * *

Тебя любить — облечься схимою,
Твои об'ятья — власяница;
Ты — Купина Неопалимая,
Ты лишь святому можешь сниться.

Ты не идешь дорогой тленною,
Тобою звёзды лишь владели,
В тебе, как в зеркале, Вселенная,
Ее таинственные цели.

Тебе не жить в земной обители,
Тебя не тронет страсти жало...
Такие очи Бога видели,
Такое сердце Вечность знало...

* * *

Дорогая моя, не грусти,
Что внезапная осень пришла,
Что твой садик успел отцвести,
Что у солнца так мало тепла.

Ты ведь можешь еще вспоминать
Про счастливый и радостный год
И надеждою жить, что опять
Лето милое в садик придёт.

Я-ж давно, я навеки погас,
В хладной памяти нет ни листка...
Только дума, что скоро, сейчас
Я умру... О, какая тоска!

* * *

«Прощай... прощай...» уста шептали,
Я не подал тебе руки;
А сердце из холодной стали
Тобой разбито на куски.

В тебе душа тоскует тоже,
Как птица, пойманная в сеть.
Пойми, — о, дай понять ей, Боже:
Расстаться — значит умереть!

Кто был тем хитрым чародеем,
Который нас заворожил!
Любить друг друга не умеем,
А врозь уйти — у нас нет сил...

Прощай? — Как верить, как смириться!
Солгать себе я не сумел:
В страданьях, знаю, есть граница,
Но где любви моей предел?

Так просто всё и так всё сложно...
Уйти — погибнуть... О, постой:
И невозможное — возможно,
Коль сердце светится мечтой!..

* * *

От людей я себя сберегла,
Только солнце мне тело целует, —
Оттого я, как бронза, смугла,
И земное меня не волнует.

В моём сердце играют лучи,
Улыбаясь зеленому маю, —
Оттого мои сны горячи,
И печали земной я не знаю.

Легкий взор мой, как небо, глубок
И лелеет мечту золотую, —
Оттого неземной я цветок
И людей только к Богу ревную.

Эту душу молитвы сожгли,
И себя от людей сберегла я, —
Оттого не во власти земли
И любовь моя, вся неземная.

Светлый крест у меня на груди,
Я не знаю ни цели, ни срока, —
Оттого по земному пути
Я иду к небесам одиноко.

* * *

Где ветки ивы грустно виснут,
И соловей поёт в тоске,
Твой след чуть видимо оттиснут
На бледно-розовом песке.

Куда, зачем, зачем ушла ты?
Когда тебя вернёт мне даль? —
Господь, взамен моей утраты
Пошли мне светлую печаль!..

Молчала грусть немого парка,
Знакомый след давно исчез,
И я молился долго, жарко
Под звёздным пологом небес.

* * *

Мне слишком тяжело, чтоб мог еще молчать я
И больно черезчур, чтоб разом всё сказать;
В душе моей звучат последние проклятья,
Оставили меня любовь и благодать.

Опять убито всё и — нашими руками:
Удар ты нанесла, но я, ведь, подал меч...
Сам Бог зажёг в сердцах любви нетленной пламя,
И нам Он повелел огонь Его беречь;

А мы, забыв Его, предав себя печали,
Дерзнули омрачить сомненьем Божий дар.
В бреду блуждаем мы, как прежде мы блуждали:
Что день, то — призрак вновь, что ночь, то — вновь кошмар...

Что будет! — Как теперь когда-нибудь добиться
Пощады у небес и грех наш искупить?
И может ли Господь прощать таким убийцам,
Которые любовь осмелились убить?

* * *

Отцвели и помертвели
Голубые иммортели;
Колокольчики в неделю
Свои песни отзвенели.

Помнишь, какъ мы без печали
Шли вперед, чего-то ждали,
Как мечты все вдруг увяли?..
А воскреснуть им — едва ли!

* * *

Ты грустна, как ива,
Бледен я, как ночь:
Жуткого разрыва
Нам не превозмочь.

Сны хочу понять я,
Ты их гонишь прочь:
Вещего заклятья
Нам не превозмочь!

Сын я лунной тени,
Ты — земная дочь:
Тягостных видений
Нам не превозмочь.

Я — как вихрь и вьюга,
Ты — весна точь в точь:
Боже мой, друг друга
Нам не превозмочь!

* * *

Свой страх приняв за Божью волю,
Судьбе идешь наперекор;
Но никогда я не позволю
Обречь наш жребий на позор.

Ты вместо сада хочешь склепа?
Живому места нет в гробу.
Как малодушно, как нелепо
Впотьмах обманывать судьбу!

Живое сердце любит смело,
Всё, что мешает, — жалкий бред.
Забыла ты, чье пламя рдело
В твоих порывах с детских лет?

Нельзя любить наполовину.
Кто сразу мне «люблю» сказал?
Как разделить, что в нас — едино?
Как разорвать, что Бог связал?

Иль скорбь тебя терзала мало,
И мало в муках ныла грудь?
Стыдись: вернуть ты пожелала,
Чего нельзя, нельзя вернуть!

Дорога светлая, прямая.
Иди по ней! — «Я не могу»: —
Ты лжёшь, сама не понимая,
Себе, как лютому врагу...

Вся правда только в первом слове:
Господь дороги наши слил...
Иль мало слёз, и хочешь крови?
О, не тревожь незримых сил...

Довольно слов, решаться надо,
И знай судьбы своей ответ:
Мой поцелуй сильней обряда,
И от меня возврата нет!

(О, сердце, стань похолоднее,
Во имя муки этих дней:
Люби, но только не жалея,
А если надо, то — убей!)

Коль ты забыла Божью волю,
Я покажу святую власть
И не пущу, и не позволю
Тебе уйти, — тебе упасть!

* * *

Как хорошо на жизнь глядеть
Закрытыми глазами
И ждать, закинув в море сеть,
Чего... не зная сами.

Как хорошо сказать без слов
И не желать ответа:
Умён ли, прост ли, бестолков, —
Не всё равно ли это.

Как хорошо идти вперёд
Без страха, без оглядки:
Когда сомнение умрёт,
Играть уж не с кем в прятки.

Как хорошо, без дум любя,
Цветком быть Божьей нивы... —
Но это всё — не для тебя:
Мертвы твои порывы!..

* * *

Всё, что будет, есть и было,
Всё — один железный круг;
А страдание — горнило,
О, мой бедный, бедный друг!

* * *

О, помоги уйти мне, Боже!
Глухой туман — глухая сеть.
Рука не дрогнет, сердце — тоже,
И я сумею умереть.

Ты путь последний озарила
Безумным маревом мечты.
Моя любовь тебя простила:
Сумей себя простить и ты.

* * *

О, невеста моя неневестная,
Что-ж ты медлишь? — скорей уходи...
Видишь, слово своё сдержал честно я,
Хоть костёр ядовитый в груди!

Ничего у меня не оставила?
Ничего я не взял у тебя? —
Помни, помни великое правило:
Убивать надо тоже любя!

Потешай своё сердце упрямое,
Позабудь золотые слова.
Ничего не скажу я, дитя мое:
Может-быть, ты, родная, права.

Пусть тебя повстречал слишком поздно я,
И не будешь ты больше со мной, —
Всё-ж любовь моя вечная, звёздная
Не сравнится с любовью земной.

Истерзала меня мука крестная;
Поскорее-б окончился путь! —
О, невеста моя невестная,
Уходи. Улетай. Позабудь...

* * *

Сгорая в муках, ярко светится
Моя душа в своём гробу.
Никто, никто теперь не встретится:
Роптать не надо на судьбу.

Расстаться как с любовью нашею,
Как приказать ей: «Умирай»?
Больное сердце стало чашею,
Слезами полной через край.

И как вместить любовь в убогую
Земную правду, в злую явь?..
Я никого теперь не трогаю,
И ты меня, молю, оставь!..

* * *

Совсем нет сил, — они сгорели
В моем безвыходном кругу,
И в первый раз, и не без цели
Тебе мучительно солгу.

Я не хочу, чтоб ты узнала,
Что я скрываю свыше сил:
Напротив, я скажу, что мало
Тебя и прежде я любил;

Что для меня ты... призрак что ли,
Что до тебя мне дела нет:
Не покажу я светлой боли
И заглушу безумный бред.

Хочу, чтоб ты скорей забыла,
Чтоб в сердце снова жил покой.
Солгу! А там, Господь, дай силы
Убить себя своей рукой!..

* * *

Здесь разорвал надушенный платок:
Я ждал вас долго, — всё не шли вы.
Там целовал я брошенный цветок,
Такой простой, такой красивый...

Здесь вы сказали молча, взглядом: «Да»,
Я отвечал, что вас не стòю.
Там был конец: ушли вы навсегда...
— Смешной поэт, Господь с тобою!

* * *

Пылали в небе зори;
В полях седая мгла.
Моей улыбке вторя,
Со мной ты тихо шла.

Звенела, помню, пчёлка
В тенётах темных кос.
Печаль во мне умолка;
В тебе не стало слёз.

Казалось, путь до Бога
Отсюда недалёк:
Ещё-ещё немного, —
Доброшу василёк!

Но вдруг в бреду как-будто
Кольцо и крест сняла:
«Возьмите!» О, минута...
И ты навек ушла.

Сказала, с сердцем споря:
«Я не любила вас».
Погасли в небе зори,
И в жизни свет погас...

* * *

Тихо в море плывут корабли
Далеко в голубые закаты.
От меня, от людей, от земли
Грустной тенью ушла в небеса ты...

Что-то шепчет уныло вода
Про любовь и про светлые зори.
Я не встречу тебя никогда, —
Не вернёт тебя вечное море...

Облаков золотые края
Изукрашены легкой резьбою,
И рыдает в них песня твоя,
И зовёт, и зовёт за собою...

Где-то там далеко корабли;
Где-то там голубые закаты.
От меня, от людей, от земли
Грустной тенью ушла в небеса ты...

* * *

Довольно! — Путь окончен наш:
Друг друга нам, как видно, мало.
Оставь холодный мой шалаш, —
Ты навсегда, ты всё порвала.

Сожги всё, ничего не прячь, —
И пыль былого — ядовита,
А память — это злой палач,
А совесть — от нее беги ты.

Я не скажу, что впереди,
Но не желай назад дороги,
Не оглянувшись уходи,
Чтоб не споткнуться на пороге.

Я презираю? — о, ничуть!
Грущу? — поэт грустит до мая...
Ты всё поймешь когда-нибудь,
Хоть лучше жить, не понимая.

Не замедляй своих шагов, —
Поверь, тебя не позову я...
В итоге: горсточка стихов
И след шального поцелуя...

Всё это так, но... только вслух,
А что во мне, от всех скрываю:
Уйдет, — и в жизни свет потух,
Ушла, — и вот я умираю...

* * *

Пали слова, точно молотом;
Были мечты слишком ранними,
В сердце, навеки расколотом,
Светит былое страданьями.

Кажется мне, будто в тине я:
Прожито что-то огромное,
Сразу увяло от инея
Счастие, право, никчёмное...

Искрится солнечным золотом
Небо; в нём облако быстрое
Плачет о сердце расколотом.
Что я над безднами выстрою?

Там, где за вечными гранями —
Тайна, великая Троица,
Может-быть, даже страданьями
Раненный дух успокоится!..

* * *

За деревянною аркою
Страны чужие легли;
Тихо, с молитвою жаркою
Кланяюсь я до земли.

Как ты страдала, упрямая,
Путь мой далекий крестя...
О, дорогая страна моя!
О, дорогое дитя!

Точно в магическом зеркале,
Вижу: мы будем вдвоём;
Сами себя исковеркали,
Сами себя и спасём.

Знаю, что скорбен не в меру я:
Солнце ещё впереди.
Сердце! Бестрепетно веруя,
Праздника светлого жди!

* * *

Опять изгнанье! Дом мой отчий,
Звезда любви моей больной
В часы безмерной жуткой ночи
В тяжёлых снах владеют мной.

Тоска! Приколота фиалка
К иконе Иверских ворот;
А дней былых до боли жалко,
Изжитых мной наоборот.

Хранят меня и путь суровый
Два талисмана милых мест:
Портрет без надписи (ни слова!)
И с голубой эмалью крест.

Хоть сил во мне подчас немного,
Темно изгнаннику в пути,
Но раз во мне живут два Бога,
Я не страшусь вперёд идти.

Мне без Христа — мученье всюду,
Но без тебя — не Бог Господь:
Где Оба вы — там был и буду
И всё сумею побороть!

* * *

Изгнанье встретило дождём,
А тучи крикнули мне громом
Привет на языке своём,
Пока совсем мне незнакомом.

Холодной думою томим,
Внимал я грому. Неужели
Любви своей не сохраним,
Глумясь над ней почти без цели?

Какая боль! Съ чужих полей
Дохнуло чуждым ароматом. —
Я жду тебя, спеши скорей
Навстречу тучам и раскатам!

Люби меня в чужом краю:
Пройдёт земное горе мимо,
И душу обновит твою
Господь улыбкой херувима...

* * *

Тоскуют пред портретом
Печальные цветы...
Как жутко быть поэтом
В обманах суеты!

Прекрасна орхидея
Суровая, как рок;
Но мне всего милее
Родимый василёк!

Расстались; навсегда ли,
Никак я не пойму.
Мой смех ведёт к печали.
Молиться? — но кому?

В твоём молчаньи строгом
Таится приговор:
Забытый даже Богом,
Уйду я в свой затвор...

Мне снишься ты в неволе
И русская земля.
Конец мой далеко ли?
Не Смерть ли у руля?

Открыли пред портретом
Цветы мне в поздний час...
— — Останься недопетым,
Безумный мой рассказ!

* * *

В своём изгнаньи, как в могиле,
Всё жду — чего, не знаю сам.
Всю ночь гудят автомобили
В дрожащей радуге реклам.

Я — сиротливый сын печали,
Слезами вспоенной земли...
Господь, в Своей небесной дали
Мольбе отравленной внемли!

Веселой радости не надо
За боль тернового венца:
Взыскую Пламенного Града,
Хочу последнего конца!

Сгори, земля! исчезни, Время!
Погибни, Смерти торжество,
И Ты в нетленной диадеме
Сойди для Царства Своего!

Гудят распутные машины,
Сверкает ложь в огне реклам;
Я чётко слышу рёв звериный
И жду — чего, не знаю сам!

* * *

Спи, мечтатель мой больной!
Всё проходит стороной;
Время мчится под откос.
Я отвечу на вопрос!

В бездну оба кинь весла!
Буря парус унесла;
Ни луны, ни бледных звёзд, —
Лишь кометы жёлтый хвост.

Спи, мечтатель мой больной!
Всё бессильно перед мной;
Думы — злые палачи;
Сердце глупое, — молчи.

Ветер кружит лепестки;
Не сильней любовь тоски;
У могильного креста —
Даль небесная пуста!

Спи, мечтатель мой больной!
Нет дороги в мир иной;
Без надежд и светлых грёз
Я отвечу на вопрос!

Ночь кошмарна, ночь черна,
Но не бойся: я — верна.
Всех любить — напрасный труд:
Люди — гномы, люди лгут!

Спи, мечтатель мой больной!
Кратко любят под луной:
Кто любила, та ушла, —
Я одна не знаю зла.

Дьявол тянет канитель;
Я качаю колыбель.
Дам тебе теперь ответ:
Мир — обман, а Бога — нет!

Спи, мечтатель мой больной!
Путь окончился земной, —
Душу мне отдай свою:
Смерть я!.. Баюшки-баю...

* * *

Бал в китайском балагане.
Гости. Музыка. Вино.

Всё, как в сказочном тумане.
Всё — безумно. Всё — пьяно.

Под сверлящий треск там-тама
Пляшет грузный мандарин.
И фонарь слепит упрямо,
И рыдает тамбурин.

Скачут серые драконы,
Изгибая серый стан.
Крики. Хохот. Песни. Стоны.
Мрачен только богдыхан.

Лик его сокрыт под маской.
Это — Дьявол: он царит.
Фиолетовою краской
Трон фарфоровый залит.

Курит опиум. А люди,
Преклоняясь перед ним,
Разрывая воплем груди,
Слёзы спрятали за грим.

В тине жуткого колодца
Потонуло всё вокруг.
Бог не слышит, — не проснется...
Бал безумья! Танец мук!..

Всё — без цели. Всё — без Бога.
Совесть — к черту! Мир — обман!
Всем, всему одна дорога: —
К Смерти через балаган...

Цыц! — не плакать! — больше пей ты!
Мы погибли? — очень рад!..
Руку дай: под хохот флейты
Прямо в бездну, — прямо в ад!..

* * *

Я хочу на пречистой Голгофе,
Где за призраки умер сам Бог,
Пить с ликёром турецкое кофе
И жевать апельсинный пирог.

Я хочу у Большой Пирамиды,
Где бессмертье нашёл фараон,
Покупать у разносчика «виды»
И мечтать про уютный вагон.

Я хочу на печальном погосте,
Где в Небесное Царство врата,
Поиграть с проходимцами в кости
И сигары курить у креста.

Я хочу... скажешь ты: поцелуя? —
Нет, уж лучше — отравленный нож!
Ничего, ничего не хочу я,
И меня, я прошу, не тревожь!..

* * *

Я давно в могиле чёрной
За кладбищенской оградой
И не помню жизни вздорной,
И желаний мне не надо.

Я привыкнул в две недели,
И погасла мысль о гнёте.
Черви тело жадно с’ели, —
Наконец, не стало плоти!

Чьи-то стоны у креста там,
И любовь рыдает где-то.
Тот, кто прежде был проклятым,
Стал теперь простым скелетом...

День обманчивый весенний.
Гнилью пахнет на погосте.
Помню: ложь про Воскресенье,
А еще: «Премудрость, прòсти»...

Lise, конечно, умерла ты?
Тоже где-то за оградой?
И молчит Господь распятый,
И желаний мне не надо...

О, как всё проходит скоро!
Смерть — прелестная девица:
Вам понравилась, синьора? —
Ах, опять я начал злиться...

Вы сияли, как икòна,
О, царевна-недотрога...
Не хочу земного стона:
К чорту вас, меня и Бога!

* * *

Сердит я даже на Мадонну!
Ликуют дьяволы опять...
И вот, взглянувши на икону,
— — — — — — — — — — —

Метнулся в страхе к Иисусу:
Глядел, глядел на Лик больной...
Не стану я молиться трусу!
Ушёл и стал к нему спиной...

Господь, Вы — лишняя забота!
Я с Вами больше незнаком...
Вечерню бросив для фокстротта,
Монах, — айда в публичный дом!..

* * *

Ночная тьма сурова.
Хохочет ураган.
И Смерть — за рулевого,
И Дьявол — капитан!

Я бросил в дар нечистым
Святой мой крест за борт:
Его поймал со свистом
Какой-то жуткий чорт.

Потом швырнул циклону
Любимое кольцо
И сняв с груди икону,
Я плюнул ей в лицо.

Луна — светляк двурогий.
Всё спит на корабле.
Сгорела мысль о Боге,
О людях, о земле...

Россия... что за слово?
Любовь... что за обман? —
И Смерть — за рулевого,
И Дьявол — капитан!...

* * *

Гроб унесли из натопленной горницы;
Наскоро бедное тело отпели:
Черви теперь им, я думаю, кормятся...
Боже... воскреснет оно?.. неужели!..

Где же душа твоя? — светлой дорогою
Входит с улыбкой в заоблачный терем
Или в лесу там, за чёрной берлогою
Бродит и стонет испуганным зверем?

Полно томиться! С безумною злобою
Я проклинаю солгавшего Бога;
Сердце убить свое ночью попробую, —
Ты мне оставила яду немного.

Я растоптал твой портрет, память милую,
Душу испачкав циничной тирадой.
А перед смертью я дочь изнасилую
Там у креста, за могильной оградой...

* * *

Что значит Господу измена
На этой маленькой земле! —
Гляди, над всем смеётся пена,
И пляшут звёзды в хрустале...

Души спасенье? ах, как мало! —
Я весь истерзан, весь устал...
Гляди, как золото бокала
Сверкает в радуге зеркал...

Иконы... свечи... в небе кто-то
Воздаст за боль былых обид? —
В об'ятьях милого фокстротта
Забудем скуку панихид...

Не быть всему! Не верю чуду!
Какой там Рай! Какой там ад!..
Предайся ласковому блуду,
И храмом станет маскарад!

Ведь ты меня разлюбишь скоро...
Забвенья дай! Любовь есть бред!..
Сегодня — сладкий яд ликёра,
А завтра — чёрный пистолет!..

Что Страшный Суд! — Не место гневу, —
Уймитесь, Бог и Сатана...

Обнявши там Святую Деву,
Я крикну ангелам: «Вина ! ! . .» —

Нет! нет ! ! — бледны мои ланиты,
Бежим отсюда, прямо — в скит!
Меня скорей, молю, прости ты:
Тогда и Бог меня простит!

* * *

Я так люблю Тебя, о, Боже,
Что мука, посланная мне,
Пресветлой радости дороже
И счастья в райской тишине!

Я так люблю, что мне не надо
Свободы, творчества, небес!
Мне оскорбительна награда,
Которой нас смущает бес . . .

Я так люблю, что всё земное
И даже песни и мечты
Теперь не властны надо мною: —
Люблю Тебя, люблю что — Ты ! . .

Коль не Тебя, тогда кого же?
Куда из плена я уйду? —
А за любовь хочу, о, Боже,
Всю Вечность мучиться в аду . . .

* * *

Когда душа моя болит,
А серый мир лукав;
Когда от горя, от обид
Я падаю, устав;
Когда ты так мне далека
И в то же время—тут;

Когда незримая рука
Вершит последний суд, —
Тогда нисходит с небеси
Таинственный Жених,
И плачет, плачет по Руси
Мой алый звонкий стих...

* * *

Автомобили и музеи,
Кафе, театры и фокстротт,
Духи, меха и орхидеи,
Вино, разгул: Венерин грот!

Но где вы, милые деревни,
Мой переулочек кривой
И ты, подобная царевне,
Чьи очи блещут синевой!

Где сосны стройные, как свечи,
Где вся в цветах моя земля,
Где ты, мое Замоскворечье
И звон малиновый Кремля!

О, где вы, медленные дровни,
Где василек меж длинных кос,
Избушки, ветхие часовни
И русский плачущий Христос!

* * *

В Сан-Суси меж горбатых тропинок
Там, где мраморы белых богов,
Я брожу, как обманутый инок
И томлюсь от несказанных слов.

В Сан-Суси, в зеленеющем парке
Дышит миртами солнечный день:
Но позвал меня образ твой яркий
В глушь далеких родных деревень.

В Сан-Суси, где пропели беззвучно
Лебединую песню века,
В след за мною бредет неотлучно
Моя русская злая тоска.

Красота сразу стала постылой,
И тюрьмою глядит Сан-Суси.
Я томлюсь и тоскую по милой,
По далёкой, далёкой Руси! —

* * *

Брожу один я целыми часами
И вспоминаю все свои грехи
Иль, вдаль глядя печальными глазами,
Опять шлифую старые стихи.

Мой край родной и ты, моя малютка,
Вы далеки и тут со мной, во мне:
Вот отчего мучительно и жутко
Я сам с собой борюсь наедине.

Я не хочу от прошлого уступок,
Тоскует дух, и дико стонет плоть.
Себя убить? — кинжал мой слишком хрупок,
Чтоб память сердца мог он расколоть!

Изгнанье — смерть. Но где моя могила?
Я возвращусь? о, Боже мой, навряд!.. —
Очнулся... Женщина прохожая спросила,
Хочу-ль купить я сыр и виноград.

* * *

Мне подарили цветы вы.
Что за безумный порыв!
Сделались вдруг молчаливы,
Очи и сердце закрыв.

Бросил бы вам наудачу
Маленький глупый вопрос,
Ах, но боюсь, что заплачу
Горько и больно, без слёз!

Впрочем, не буду стыдливым, —
Тон мой нелепый знаком:
Не показались цветы вам
Белым надгробным венком?

Сердце молчит не без цели, —
В нём погребальный хорал?..
Боже, как вы побледнели...
Видите: я угадал!

* * *

Но если старое вам кажется ничтожным,
Пусть будет новое и светлым, и большим.
Так сказка детская с ее эффектом ложным
Уходит в прошлое; но мы тогда грешим!..

* * *

Скучный, ненужный и бледный портрет:
Смяты и порваны вещие нити,
Жило, но умерло; было, и — нет...
— О, не глядите!

* * *

Спи, мой лучик, спи, голубка,
Баю — баюшки — баю...
Счастье наше, верь, не хрупко:
Жить не век в чужом краю.

Мы — в изгнаньи. Я виною,
Я сгубил твой нежный сон...

Ты томишься здесь со мною,
А в Москве — пасхальный звон!

Как давно родная крошка
Не видала русских нив...
Подожди чуть-чуть, немножко...
Ах, я сам не терпелив!

Все слова, я знаю, немы,
Но забудь свой детский страхъ!
Слушай: хоть и на земле мы,
Но земля — на небесах.

Не случайно был я встречен
На твоём больном пути.
Миг — любовь, но миг тот — вечен,
А поэтому — прости...

Люди, что вы так грустите?
Время — морок, Смерти — нет;
Всюду жизни светлой нити,
Божьей лаской мир согрет.

Не напрасны, не без цели
Думы, слёзы, кровь и труд:
Всходы старые сгорели, —
Всходы новые взойдут...

Не забылась? — Спи, мой лучик;
Сам истерзан я тюрьмой.
Не ломай озябших ручек, —
Скоро в путь — туда, домой...

Мы вернемся к милой маме,
Будем снова на Руси...
Сжалься, Господи, над нами:
Нас и родину спаси!

* * *

Вы были только маленьким сюжетом
Для летних песен, поводом для грёз.
Страдал и пел, — что значит: был поэтом.
Потом — конец, и вихрь меня унёс!

Я пошутил: игра была опасна
И для меня, поверьте, и для вас.
Вам всё равно? Не больно? — И прекрасно;
Но, Боже мой, как мне смешно сейчас!

Нет, нет: не верь! — Любил, люблю, скрывая,
Чтоб не смутить души твоей опять. —
За то, что смел изгнать себя из Рая,
Умру без слов, чтоб более не лгать!

К - ы м.

Как хорошо родная песня льётся! —
Я вижу в полусне родимые поля,
Звенит ведро в час утра близ колодца,
И дышит вся в цветах чуть влажная земля...

Церковный звон и тихие могилы,
Размашистых цепов на ниве бодрый стук
И нежный взгляд такой глубокий, милый —
Напомнил разом всё мне русской песни звук.

России нет! мелькнувши тучкой синей,
Исчез мой чудный край, — он больше мне не зрим.
И плачу я под песню на чужбине,
Как узник-сирота, как вечный пилигрим.

* * *

Я — маленькая Таня,
Семнадцатый мне год;

Нашли меня крестьяне
Весною у ворот.

Кто папа мне, кто мама,
То знает Бог один:
Быть-может, это — дама
И знатный господин.

Живу у старика я
На пчельнике в саду,
Как девочка простая,
Привычная к труду.

Где светится зигзагом
Родимая река,
Брожу я по оврагам,
Глядя на облака.

Милей всего мне нива
Да наш угрюмый пруд.
Болтают, я — красива:
Чай, шутят али врут...

За нашею деревней
Большой-большой пустырь,
За ним, на горке — древний
Забытый монастырь.

Святая там Царица
В ограде над ключем.
До слёз люблю молиться,
Не ведая о чём.

На Лик Ее знакомый
Гляжу, и грустно мне. —
А милый далеко мой,
В неведомой стране.

Ночь каждую мне снится
Таким, какой ушёл.
Небесная Царица,
Спаси его от зол!

Его сама прогнала, —
Как плакали мы с ним:
Казалось мне, что мало
Он мною был любим.

Теперь всё поняла я,
Хотела бы вернуть,
Да как — сама не знаю,
И ноет-ноет грудь!

Прости меня, о, Боже,
Совсем я молода;
Вернется он, быть-может, —
Я буду ждать года...

Коль нет, пойду в черницы
Аль брошусь я в реку:
Мне страшный грех простится
За лютую тоску!..

Ему, знать, не чета я,
И нам дороги нет:
Я — девочка простая,
А милый мой — поэт...

* * *

Я сгораю на чужбине;
Гаснет жизни скучный сон.
Ты прислала крестик синий, —
Будет мне для похорон.

Крестик, пишешь, береги ты:
Я прижал его к губам
И, как знак любви разбитой,
В небе Богу передам.

* * *

Глянул в круглое окно я
Сквозь просвет гардины;
За ночь стало все другое:
Зимняя картина.

Поле дремлет в белых красках,
Каркают вороны,
Дети мчатся на салазках
С горок под уклоны:

Пышут жаром губы, щёки,
Словно в поле маки;
Там забрались в снег глубокий
Резвые собаки.

Всё сверкает белизною
Так, что глазу больно,
А над белой пеленою
Блещет колокольня.

Луч играет на гардине.
Холодно? — Не знаю. —
Так приснилась на чужбине
Родина святая.

* * *

Весь мир — фантом и морок,
И холод жутких встреч.
Жди Вечности, будь зорок,
Не дай себя увлечь.

Душа горит от злобы,
Мечту свою я сжёг
И, кажется, кого бы
Ещё любить я мог...

На небе, в сердце — тучи;
Погасла солнца медь. —
Кому любовь наскучит,
Обязан умереть...

Всё было, всё знакомо,
И прошлого не жаль,
И в мареве фантома —
Надзвёздная печаль...

* * *

Где-то там ведёрко звякало
У далекого колодца, —
И душа моя заплакала
Обо всём, что не вернется...

Где-то там туман над дюнами
За мечтающим каналом, —
Сердце стонет злыми струнами
И грустит о небывалом...

Где-то там вдали за шхерами
Воет жуткая сирена, —
Я измучен днями серыми
И тоской земного плена...

Где-то там обедни ранние,
Свет, иконы, дым кадила. —
Мне темно в моём изгнании,
И меня ты позабыла...

* * *

Спи, родная, в далёкой могиле!
Моя жуткая скорбь глубока.
Нас на время с тобой разлучили, —
Мы не вместе... Какая тоска!..

Спи без грёз, ничего не жалея,
Позабыв этой жизни кошмар...
Я — совсем, я совсем не умею
Забывать и не делаюсь стар!

Спи, мой друг, ты свой век отстрадала
И святою в могилу легла. —
Видно, мне моих мук ещё мало,
И гнетёт меня серая мгла.

Спи! твой сон — для меня, как святыня...
Я любил тебя так, как умел. —
Вспомни ты о безрадостном сыне:
О, тяжёл его чёрный удел!

Спи, до скорого в небе свиданья, —
Наша встреча, я знаю, близка:
Неужели опять для скитанья?
Мама, где ты! — Какая тоска...

* * *

Уста кощунственно твердят скабрезный анекдот,
И грех неистовый в очах моих дымится,
Страстей обманчивых меня кружит водоворот,
Мне в мире дороги: вино, разгул, блудница...

Но сердце бедное болит, обманутое злом,
Средь смеха делаюсь я робким и усталым,
И часто кажется, что вдруг рыдающий псалом
Сорвется с уст моих, но вместе с мадригалом...

* * *

Скрыв печаль свою звёздную, мимо
Незаметно я дальше уйду. —
Будь Господнею силой хранима
И жизни в заповедном саду.

Мне за грех суждена власяница,
За любовь — злая мука вериг;
Но тебе пусть, о, милая, снится
То, чего мир земной не достиг.

От людей, моё солнышко, скрою
Молодую ошибку твою.
Да сияет всегда над тобою
Божья ласка в небесном Раю.

Пусть безумие жуткое веет,
И грешна моя знойная плоть,
Но сильнее меня не сумеет
Полюбить тебя даже Господь!..

* * *

Там в углу бормочет прялка,
И жужжит веретено.
Мне чего-то жалко-жалко;
Буду жить: не всё-ль равно...

Как бесцветна эта пряжа,
Эта нитка так сера;
Горе — то же, сказка — та же:
Нет, — кончать давно пора...

Тки, докучливая парка,
Нить простую без узла!
В дымной копоти огарка
Реет призрачная мгла...

Дай мне песен, дай мне зелья!
Нет цветов в моём саду,
И давно утратил цель я,
И дороги не найду...

Время длится так лениво.
Что теперь: июль... февраль?
Сердце — выжженная нива,
Размагниченная сталь...

Снится белая русалка,
Снится сон о короле...
А в углу бормочет прялка
В душной серой полумгле...

* * *

Яхты, как белые лебеди; ялики,
Точно дельфины; над озером пар.
Берег: там домик причудливый, маленький.
В небе — зелёный задумчивый шар.

Вспомнилась мне вдруг родная околица...
Милая родина, ты далека!
Кто-то печален там... кто-то там молится...
Господи, — снова глухая тоска!..

* * *

Зову! — От века ты моя!
Напрасно Бог карал разрывом.
Я жил, надеждами горя:
Кто любит, должен быть счастливым!

Что дал тебе кошмарный год,
И кто потребовал утраты? —
Слепым кощунством был уход:
Чего, скажи теперь, ждала ты?

Зову! — Не смеешь не придти,
Хотя-б растратила все силы,
Хотя бы не было пути, —
Зову, хотя бы из могилы!

* * *

Полу-дитя, полу-Mephisto!
Ну, как, скажи, твои дела? —
Как блещет взор поэта чистый
«В потёмках призрачного зла»?

Забравшись в тихий санаторий,
Всё пишешь мудрые стихи,
Забыв о картах, о ликёре,
Забросив книги и духи?

И всё скучаешь по России,
Где по Европе тосковал?
Проклятья шлёшь буржуазии,
Хотя не скиф ты и не галл?

Целуешь крест, портрет, икону
Да с Богом споришь день и ночь?
Приносишь жертвы Аполлону
И Время хочешь превозмочь?

Согнув изломанные плечи,
Теперь не тронутый никем,
Погряз в дыму противоречий
Философических систем?

Что проку в этой новой схиме!
Всё — вздор: одуматься пора.
Ей-Богу, право, лучше «шимми»,
Спокойный бридж иль баккара...

Себя над безднами распял ты
И шепчешь жуткие слова,—
Не лучше-ль милый берег Ялты
И наша старая Москва...

Я в грёзах мало вижу толку,
А в храмах — серо и темно:
Глядеть на небо через щёлку,
Поверь, совсем не так умно...

Пиши стихи, мечтай о Боге,
Желай бессмертья (меж могил!), —
Но пусть твои танцуют ноги:
Так Ницше, кажется, учил?

Оставь свои боренья с чортом:
Не ссорься, милый друг, с собой! —
Займись иным — здоровым спортом,
Одев костюмчик голубой.

Уйди из нового затвора,
Оставь леченье, докторов, —
Езжай в Париж: поймешь там скоро,
Что ты, чудак, совсем здоров.

И вместо слов туманно-горних,
И вышибая клином клин,
Ты миру дашь веселый сборник
Огнями блещущих терцин!

На Новый Год, чай, будем вместе? —
Пора домой! — Adieu. Пиши.
Забудь о схиме, о невесте.
Играй. Люби. Танцуй. Греши.

P. S.

Ах, да... Исполнив долг сыновний
В день годовщины двух смертей,

Вчера был в Иверской часовне
И помолился без затей.

Её там видел: как монашка,
Она глядела из угла...
Ведь ей, конечно, тоже тяжко
«В потёмках призрачного зла»?

* * *

Поглядите-ка прямо в лицо мое
Из-под маски своей кружевной:
Вы — чужая, но, словно, знакомая,
Где-то в далях — и рядом со мной.

Тише... Кажется, будто, вальсируя,
Мы исчезнем надзвёздным путём:
Будто жертва далёкому миру я...
Кто вы? Где мы? Куда мы плывём?

Вы мне жизнь или смерть? о, скажите же:
Этот бал, это всё — только бред,
И очнёмся сейчас в Граде-Китеже,
Где сияет немеркнущий свет?..

Иль ошибся? И грёзою жуткою
Сердце бедное снова я сжёг,
И пленился теперь проституткою?
Помоги мне, безжалостный Бог!..

Вальс окончится! — Там за гардиною
Маску холодно снять прикажу
И увижу я сказку любимую
Иль спокойно вас там задушу!..

* * *

Быть свободным, словно кречет,
Верить просто — не могу:
Всё всему противоречит
В этом дьявольском кругу.

Всё, что в жизни сберегла ты:
Правда, Бог — больной мираж,
И в тяжелый миг расплаты
Всё с лихвой судьбе отдашь.

И чего ты не имела,
Тоже надо потерять,
Чтоб безропотно и смело
Верить снова, жить опять.

На пути всегда гробница,
Счастлив тот лишь, кто воскрес:
Умирай, чтоб возродиться
На земле, но для небес...

* * *

На террасу, где стояли столики,
Где в цимбалы кто-то в красном цокал,
Из гнезда упал вдруг птенчик голенький
И разбился, бедный, на-смерть óб пол.

Кто-то речь держал о добродетели,
Кто-то звал всех ехать на Таити:
Птенчика, конечно, не заметили.
Я сказал лакею: «Уберите»...

О, мой птенчик, сколько в мире краткого!
Как любовь моя, ты жил немного...
Смерть ко всем приходит одинаково,
Души птичек тоже плачут к Богу.

* * *

Ты в гробу. Не слышу голоса, —
Неужели он замолк!
И как ласковые волосы,
Твоего наряда шёлк.

Нет тебя, — молчит Вселенная!
На парче твоей узор,
Словно бабочка нетленная,
Как твой милый-милый взор.

На тебе кольцо знакомое;
Твоя белая фата,
Как безмолвное лицо мое,
Как сгоревшая мечта.

И дрожат струи кадильные,
Как солгавшие слова,
Как любовь моя бессильная... —
Умер я; но ты — жива!..

* * *

О, ласковые голуби,
Далекие печали, —
Коль сердце расколола бы,
Тогда-б вы увидали,
Какими снами лютыми
Душа моя об'ята,
И кажется минутами,
Что жизнь ушла куда-то,
Что муку поборала бы
Любовь великой силой.
Но, ласковые голуби,
Не здесь, а за могилой...

* * *

Когда все помыслы случайны,
И гаснет пламенная вера,
Беру в немой печали Heine
И раскрываю Romanzero.

Мгновенье — вечность, век — минута,
Слеза смеется, смех — до боли,
И снова верится как будто,
И смысла нет в земной юдоли.

Опять мой светлый храм украшен,
Мечта в молитве заблистала,
И слышу там меж чёрных башен
Бесовский смех и звук хорала...

* * *

В горах зелёных тишина:
Так хочется покоя...
Но сердце, как из чугуна
И жуткое такое.

Поля нежней, чем акварель:
Так хочется покоя...
Но сгинул первой ласки хмель,
О, время дорогое!

Молчит небес далёких грань:
Так хочется покоя...
Довольно, думать перестань
Про чёрное былое!

В часовне около икон
Один с моей мольбою...
Церквей неясный перезвон...
Как хочется покоя!..

* * *

Кто там так зорко сторожит
Брунгильды каменное ложе? —
Ужели вновь пришёл Зигфрид,
Но там найти её не может?

О, как ревниво стерегу
Тобой покинутое ложе:
Вернуть тебя я не могу,
И злая скорбь мне душу гложет...

* * *

Сегодня ночью, ночью долгой
Мне снились юные года.
Зеленой лентою над Волгой
Вдаль уходили города.

Шумели пристани, и с горок
Змеились легкие мостки;
А жаркий день навеял морок
На эти рыжие пески.

Гудок — то грозный, то плакучий.
Простор. Кружится голова.
А там, беснуясь, злые тучи
Закрыли тенью острова.

Чу, где-то песня... О, затоны,
Где пахнут светлые костры,
Где я, без памяти влюбленный,
Бродил до утренней поры...

Мы в лодке. Счастье — миг единый:
Ты вновь печальна, я суров.
А тут же рокот соловьиный
С далёких спящих берегов...

Зима. На тройке. Петь охота!
Шалит бубенчик. Ночь светла.
Толчёк, и лихо гикнул кто-то,
И мчатся кони, как стрела.

Весна. Сорвав с себя покровы,
Река проснулась. Дождь. Гроза.
Но что сулит мне праздник новый?
И я смотрю тебе в глаза...

Теперь — ни родины, ни Волги,
Ни слов любви, ни бубенца...
О, вечер жизни, скучный, долгий!
О, близость ночи без конца!

* * *

Царило лето. Дни погожие.
Высь — голубые зеркала.
Тебе цветы кивали Божии,
Когда ты лугом тихо шла.

Уста сжимали нитку колоса;
Был чёткий взор спокоен, смел;
Резвились ласковые волосы;
На шее крестик мой алел.

На солнце ты казалась строгою
Живою бронзою в огне
И шла зеленою дорогою,
Но не за мной и не ко мне.

* * *

Как страшно мне во тьме ночной, —
Душа боится мрака!
Бредёт по улице за мной
Приставшая собака.

Туман. Ни звезд, ни фонарей:
Весь город, как могила.
Идём, товарищ, поскорей,
Что смотришь так уныло?

Идём в холодном шалаше
Поужинать со мною:
Хотя-б одной живой душе
Печаль свою открою.

Я расскажу тебе, мой пёс,
Про то, как я обманут,
Про боль любви, про муку грёз,
Про то, как люди вянут.

Мы будем в хижине одни;
Портрет увидишь в раме:
Ты на него, мой друг, взгляни
Весёлыми глазами.

В нём то, чего уж больше нет:
Небесная отрада.
Но всё, голубчик, ложь и бред,
Досказывать? — Не надо!..

Я много, много перенёс,
Сгорев в обмане неком.
Как хорошо тебе: ты — пёс!
Быть жутко человеком!..

Немая ночь. Тоскливый мрак.
Душа боится мрака.
Бредёт по улице дурак,
А рядом с ним — собака.

* * *

Тоскует ум. Слабеет вера.
В душе усталой мрак и ложь.
Куда дорогой Агасфера,
Страна родимая, бредёшь?

Суди себя безмерно строго,
Слезами, кровью изойди:
Тогда ты снова узришь Бога
В конце тяжелого пути.

Когда мечта сгорит отравой,
Крестом прикрой нагую грудь
И, став бессмертно-величавой,
Былой Голгофы не забудь!

Иди! Страданье искупило
Безумный грех безумных лет,
И даст великое светило
Тебе, родимой, мир и свет.

Тоска рыдает. Небо серо.
Кошмар и ужас. Где покой? —
О, путь проклятый Агасфера!
О, край отчизны дорогой!

* * *

Робкий свет. С водою блюдце.
Растопил свинцовый крест.
Я гадаю (мысли вьются)
Про тебя и твой приезд.

О, родная, далеко ты,
Оттого померк мой взгляд.
Выливаются ворота:
Это к встрече, говорят...

Как ладья моя устала,
Как не хочется грести...
Иль меня ты любишь мало,
Иль на разном мы пути?

Нет, ты любишь: злые тени
В сердце влили черный яд...
Наши души от видений
Да от призраков болят.

Наше счастье—въ Божьей воле;
Мы тужили, — Бог велел:
На Его святом престоле
Наш решается удел.

Я гадаю сквозь дремоту.
Растопил свинцовый крест.
Снова вылились ворота
И сулят мне твой приезд...

* * *

Моя муза — девочка смуглянка.
Удивленный взор, не косы — змеи.
То она — аскетка-христианка,
То — дриада с вычурной камеи.

Моя муза скрытная дичится,
Поцелует молча, как икону;
А порою — просто озорница
И под пару только ветрогону.

Моя муза — рядом и далёко;
Улыбаясь, плача миг за мигом,
То ведёт трясинами порока,
То — к кресту, молитве и к веригам.

Моя муза в храме и в концерте,
В светлом поле и в пустыне, всюду —
Выше жизни и сильнее смерти,
Бесконечность и тоска по чуду.

* * *

Мне с тобой совсем не по дороге?
Да, уныл мой медленный закат,
Ты светла в тоске своей по Боге...
— Разойдёмся наугад!

Хоть других людей тебе я ближе,
Всё равно: я умер, ты — жива?
Бог с тобой, скорее уходи же...
— Надоели все слова!

Как уйдешь, то в память нашей встречи
Чинно панихиду отслужи,
А когда погаснут в храме свечи,
— Всё забудь и не тужи!

Скучно! Как тесна земли орбита!
Мне с тобой совсем не по пути?
Если жизнь окажется разбита,
— На могилу приходи!

Так и быть, свой гроб тебе открою:
Будем ждать в нём Страшного Суда...
Видно, суждено мне быть с тобою
— Всюду, вместе, навсегда!

* * *

Куда, как призрак из могилы,
Россия скорбная идёт? —
Скажи мне, вещая сивилла,
Ответь мне, мудрый звездочёт!

В очах тоска, зияют раны,
Кровавым вихрем вспоена,
А в сердце — черные туманы:
О, Богу грешная страна!

Плясала Смерть под каждым кровом!
В руках сжимая крест святой,
Сбирая именем Христовым,
Бредешь ты круглой сиротой.

Весь край, — что кладбище; а голод
В венке из ядовитых трав
Занёс над ним свой жуткий молот,
Поля и нивы растоптав.

Открой, судьба, свой тайный свиток!
Что там в грядущем? — дай взгляну..
Ужель ещё годины пыток?
Спаси, Господь, свою страну!

* * *

Я смотрю на таинственный знак
Никому непонятных масонов:
Он сияет во тьме, как маяк,
Он — разгадка великих законов.

На себя, на других погляжу-ль,
Взор мой скучен, устал и не светел:
Всё — в тумане, изломан мой руль,
Изорвал паруса чёрный ветер.

Где же пристань? Куда надо плыть?
Чем окончить дорогу земную?
А за нею Господь, может-быть,
Загадает загадку другую?

Все, что будет, как сон надоест;
Каждый путь на земле одинаков.
Верю только в спасающий крест
И в победу таинственных знаков.

* * *

Сердце бедное убили
Милой ласковой рукой.
Схоронили... Схоронили...
Со Святыми упокой!

Ты устало от усилий,
Ты измучено тоской.
Схоронили... Схоронили...
Со Святыми упокой!

Из любви тебя убили,
Зла любовь, и нет другой.
Схоронили... Схоронили...
Со Святыми упокой!

Но горюет и в могиле
По любимой, дорогой.
Схоронили... Схоронили...
Со Святыми упокой!

Крест. Ограда. Много лилий.
И заботы — никакой...
Схоронили... Схоронили...
Со Святыми упокой!

* * *

Вдали в тумане мне видна
И днём, и ночью даже
Моя родимая страна
В лазоревом мираже.

Слежу я солнца светлый ход,
Скупое время меря,
Но знаю: край родимый ждёт
И мне откроет двери.

Везде, повсюду каждый миг
И днём, и ночью даже
Я чётко вижу милый лик
В лазоревом мираже.

Еще мгновенье, месяц, год
В тоске, в слезах, в потере,
Но знаю: он меня не ждет
И не откроет двери.

* * *

Вы слишком медленно решаете задачу, —
Судьба торопится и жертвовать велит;
Душа не требует прощения обид,
И я забыл про всё, и, кажется, не плачу.

Терпенье кончится, конечно, очень скоро,
Умчит безумие меня в водоворот,
Тоска безбрежная мне сердце обоймёт,
И рухнет вдребезги последняя опора.

Отдавши Господу всё, чем Ему обязан,
Замкнусь я холодно в искусственном саду
Печальных грёз моих, покой на миг найду,
Чтоб на земле уже ничем я не был связан.

Письмо получите вы в траурном конверте,
Пахнут забытые давно на вас духи,
Прочтёте с трепетом последние стихи
И в них известие об очень глупой смерти...

* * *

О, как люблю я Божью весть, —
Она всегда была благою
И помогала перенесть
Мое томление земное!

Я помню: путь мой был суров,
Пугал меня немою бездной,
Но вдруг от светлых Божьих слов
Сверкнула даль дорогой звездной.

Но как боюсь иных вестей, —
Земных тревог, земного звука,
В которых пламенем страстей
Горят безумие и мука!

Я помню: в жизненной борьбе
Сияли юностью ланиты,
Но вдруг узнал я о тебе, —
И все мечты мои убиты...

* * *

Тоска. Печаль. И в сердце — лёд.
Змеится мысль упрямая;
И всё томит, и вдаль зовёт
Мечта моя упрямая.

Хочу любить, почти люблю,
Но нет: всё — ложь невольная!
Тебя я только оскорблю,
Себя лишь раню больно я.

Замкнулся мой холодный круг.
Господь, тоску прими мою!
Оставь, оставь меня, мой друг:
Люби и будь любимою...

* * *

Любовь уже не суждена нам,
И как болотные огни,
В каком-то хороводе пьяном
Горят обманчивые дни.

По чёрным каменным уступам
Высокой призрачной горы
Иду непогребенным трупом
В иные жуткие миры...

Хоть наше счастие могло бы
Пьяней быть пьяного вина,
Но нам, испившим чашу злобы,
Любовь уже не суждена...

* * *

О, как противны мне судьбы капризной шутки,
И жизнь — обманщица давно мне далека:
Лицо монахини, а жесты — проститутки,
Богиня светлая, с душой ростовщика!

Готов я спрятаться от мира хоть сегодня
В конурку чёрную, в подполье, в самый ад,
Но жизнь назойлива, как уличная сводня,
И там навяжет мне кого-то напрокат!

О, мука Вечности без цели, без исхода!..
Будь я Спасителем, я-б мир наверно сжёг.
Не внемлет узникам бесстрастная Природа,
Терпеть и веровать велит безумцам Бог!

* * *

Баю — бай... Баю — бай ...
Тихо почивай!

В жизни — стон,
В счастьи — сон,
«Детям снится Рай»...

Баю — бай... Баю — бай...
Дня не замечай!
Нет невест,
Лучше — крест;
Мук любви не знай.

Баю — бай... Баю — бай...
Людям отвечай:
В счастьи — стон,
В смерти — сон;
Богу всё отдай.

Баю — бай... Баю — бай...
О, мой милый, знай:
Есть страна,
Нет там сна, —
«Детям снится Рай»...

* * *

О, не сердись, мой друг, я дал забвенья мало.
Для тихой радости во мне не стало сил...
Ты чувств без имени ещё не понимала,
Но утро детское мой призрак отравил.

О, не сердись, мой друг, ту песню оборву я,
Которой сердца два бессмысленно я сжёг...
Хоть губы бледные не знали поцелуя,
Но всё грядущее — расплата, видит Бог.

О, не сердись, мой друг, уйду я скоро-скоро,
Не дрогнет верная, упрямая рука...
Хоть тень далёкая не ранит больше взора,
Но память прошлого не будет вдруг легка.

Всё не сбылось, увы; легко мне жизнь оставить,
Но не тебя, пойми... О, не сердись мой друг:
Ты в мире призраков совсем, совсем одна ведь —
Для дней без радости, для Вечности средь мук.

* * *

Ты широкой дорогою шла,
И молилась, и грезила мало.
Равнодушна. Спокойна. Мила. —
Это значит, что ты не страдала.

Ты ласкала меня без стыда
И меня ни о чём не просила.
Молчалива. Капризна. Горда. —
Это значит, что ты не любила.

* * *

Хладен жизни чёрный вал;
Утро наше кратко. —
Кто тебя не вспоминал,
Детская кроватка!

Слышен ужас мировой
В первом нашем крике:
В нём бессмысленный прибой
Скорби многоликой.

Рок вертит веретено,
Нити вьёт устало:
То, что будет, — суждено,
Будет и бывало.

Скорбью ранен первый день,
В сказке — крик о чуде,
И мелькает Смерти тень
В лунном изумруде.

Что восход! — горит больней
Зарево заката;
Сердце в бурном токе дней
Грёзами распято.

В жутком сумраке долин
Верим первым встречам,
Но как скоро (миг один!)
Жить и верить нечем.

Зло, как ржавчина, живёт
В каждой новой ветке:
О, зачем сорвали плод
И любили предки!

Кто упрямо жизни длит
Без конца, без цели?
Смерть безглазая глядит
В наши колыбели.

Счастье сердца не спасло:
Что спасти могло бы?
Рви свой парус, кинь весло,
Если всё — для гроба!

Знает муку чёрных снов
Детская кроватка:
Там нас рапила без слов
Вечная загадка.

Где же детство? — Кто унёс?
Все мечты убиты.
Спи, ребенок мой, без грёз!
Правда! — уходи ты!..

Мне и матери прости, —
Мы тебя послали:
Нам приказано цвести
Розами печали...

Спи в оковах у Судьбы
И не жди ответа. —
Бог! не принял Ты мольбы: —
Слушай песню эту!

* * *

Как заглохшие звуки рояля,
У портрета цветы умирали;
Как немая звезда из тумана,
Ноет в сердце старинная рана;
Как мгновенная тень над рекою,
То, что было, мелькнуло с тоскою;
Точно в сумраке мертвом могила,
Всё, что сердце когда-то любило;
Точно пыль в охладевшей пустыне,
Я без Бога, один на чужбине.

* * *

Моя любовь? — печаль она:
Мудрец, в любви ты глуп!
Она — ничто, развалина,
В румянах чёрный труп.

Мое стремленье? — ложь оно:
Куда идти рабу!
Всё случаем низложено,
И всё — в гробу, в гробу...

Моя мольба? — о, бред она:
Молитвы к Смерти нет!
И жизнь заклятью предана,
И стих последний спет...

* * *

Тоска! Погасли все лучи;
Темно в безвыходном кругу.

Не надо больше слов, молчи:
Забыть меня я помогу.

Мечтою ранены сердца!
Печали тягостной не дли:
Любовь, которой нет конца,
Не для людей, не для земли...

* * *

Как в жизни всё размерено, всё взвешано, подсчитано
И жутко всё так спутано в лукавой пустоте,
А сердце гаснет бедное, давно-давно молчит оно,
Истерзано, измучено, распято на кресте!

Вошли ко мне, в руках держа простой цветочек палевый,
Прочли стихи вчерашние, захлопнули тетрадь,
Потом меня покинули; ни слова не сказали вы...
О, Господи, как тягостно: иметь и потерять!

Как в жизни всё изломано, растоптано, расколото
Сомненьями, заботами на мелкие куски! —
Мой светлый день окончился. Померкло в небе золото...
О, камень одиночества! О, марево тоски!

* * *

Розы печальны: в слезах они,
В светлых росинках — опалах.
Горы стоят, как монахини,
В белых своих покрывалах.

Снова надежда! — зачем она
В душу вонзила мне жало?
Что мне до Бога, до Демона?
Разве измучен я мало!

Месяц тоскливый над ёлкою
Полог алмазный повесил.
Ладно! — с улыбкою колкою,
Сделаю вид, что я весел!..

* * *

Поляны — зеленые ясли;
Мурлычет под ивою ключ;
Далекие зори погасли;
Вечернее небо без туч.

Уснули седые руины
На тихих высоких горах;
Покрыты туманом долины. —
А в сердце — мучительный страхъ!

Опять я не знаю покоя,
И хочется младость вернуть,
И высказать что-то такое,
Чем сдавлена бедная грудь,

И слёзы на астры упали, —
Тебя я припомнил опять.
Молчи, моё сердце: в печали
Не надо, не надо желать!

Плывут над землей ароматы;
Покой безграничный разлит;
Все ласкою сонной об'ято. —
Но горе, лишь горе не спит...

* * *

О, смертный, ты — глупец!
Твое желанье — кратко!
Торжественный конец —
Вот жизни всей разгадка...

Венок с себя сорви, —
Цветы земные тленны,
А там, где нет любви,
Не может быть измены!..

В душей твоей распад
И сумрак ядовитый;
Печаль убила взгляд
И жаркие ланиты. —

Скорей с себя сорви
Костюм паяца пёстрый:
Хоть в сердце нет любви,
Но ревность жалит остро!

* * *

Так целуют монахини с чуть заметною дрожью
Лик суровой иконы, в тёмной церкви распятие...
Вспоминаю прощание на дороге прохожей,
Вспоминаю слова твои и лиловое платье.

Всё земное, грядущее становилось короче;
Подарил тебе ландыши, крестик с алой эмалью...
Вспоминаю безмолвие и сверкнувшие очи,
Вспоминаю лицо твое под холодной вуалью...

И ушла ты прекрасною, точно Божья невеста;
Все, что в сумраке светлого, мы с тобою убили...
Вспоминаю, всё, милая, до единого жеста, —
Никогда не забудется, даже в чёрной могиле...

* * *

Отчего ты полна недоверья,
Будто сердце питает вражду! —
В душу настежь открыл тебе дверь я
И тебя дни и ночи я жду...

Отчего ты стоишь на пороге,
Будто в дом мой боишься войти! —
Всё простившие светлые боги
Не ревнуют к земному пути...

Отчего ты бокал расплескала,
Будто кровь — золотое вино! —
Бесконечного счастия мало,
А любить без конца не дано...

Отчего тебе снятся распятья,
Будто жизнь — вереница потерь! —
И не в силах, не в силах понять я:
Надо ждать иль захлопнуть мне дверь!..

* * *

Страшен месяц белый-белый;
Кружевные облака;
Что-то главное сгорело,
Сказка жизни далека.

Млечный Путь — копна жемчужин;
Голубая груда скал;
Зимний лес весной разбужен.
Мама, Мама... я устал!

Как любить, подобно детями!
Чем в душе расплавить лёд!
Что мы там, за гробом встретим!
Кто нас тут до дна поймет!

Всё проходит без итога;
В бедном сердце — тьма, ни зги...
Я совсем не знаю Бога...
Мама, Мама... помоги!!..

* * *

Горы мглою завуалены,
Снится сон им неземной;
Замка там стоят развалины,
Озаренные луной.

Век далекий стал руиною,
Отстрадал он и исчез.
Не о нём ли соловьиною
Звонкой песней плачет лес?

Одинокий, опечаленный
Провожу я день за днём;
В сердце — черные развалины,
Все сгорело, всё — в былом.

Что в душе моей? не пусто ли?
Рана старая свежа.
Не об этом ли безустали
Плачет песнями душа?..

* * *

Я знаю, ложь твоя правдива,
А в светлой правде много лжи;
Горит безумие порыва
В холодном мареве души.

Готово сердце к новым ранам,
Пьянит греховное вино;
Томиться правдой, как обманом,
Людскому сердцу суждено.

Душа, как скошенная нива,
Душа устала от забот;
Я знаю, ложь твоя правдива,
А правда сладко, сладко лжёт.

* * *

О, хищная змейка, с отравленным жалом,
С глазами колдуньи и с лаской во взоре,
Что ищешь, о, змейка, ты в сердце усталом? —
В нём яду довольно посеяло горе...

О, хитрая змейка, с чарующим телом,
С личиной русалки, утратившей душу,
Что ищешь, о, змейка, в разбитом, но смелом
Измученном сердце? — Я Смерти не трушу...

О, смуглая змейка, без злобы, без страсти,
То — вся, как ребёнок, то — вся, как блудница,
Что ищешь? — вот сердце: в твоей оно власти,
Но помни: твоя в нём погибель таится!..

* * *

Ты мне прислала два цветка
С родимой стороны:
Сорвала их твоя рука, —
Тобой они полны.

Один веселый: чист и бел,
И жив он был чуть-чуть,
И он безмолвно мне пропел:
«Твоя... когда-нибудь!»

Другой — печальный: синь и мал,
И рос в глухой степи,
И тихо мне без слов сказал:
«Терпи... пока — терпи!»

Я буду ждать! но если ты
Убьёшь мою зарю,
Сожгу я лживые цветы
И с ними сам сгорю.

Пока ещё ты далека,
Мечты мои грустны;
Но верит сердце в два цветка
С родимой стороны!

* * *

Млечный Путь был так ясен, а звёзды так чётко
Вниз глядели с далёких-далёких небес;
Над горами, как призрак, седая решётка
Из серебряной мглы. — Я вошёл в тёмный лес.

Там колдующий мрак был суров и могилен,
Что-то злое и вещее глухо тая;
Некрещеным ребёнком кричал жуткий филин,
Средь истлевшей листвы шевелилась змея.

Над далёким безбрежным немым океаном
Дорогих мне тоскующих русских полей
То же небо раскинулось блещущим станом,
А в лесу над рекою поёт соловей...

Здесь один я! Тоска, словно злые тенёта,
Душит сердце, и больше не хочется жить, —
Там, мне чудится, ждёт меня в сумраке кто-то,
Чтоб понять, пожалеть, приласкать, полюбить...

* * *

Вчера я видел журавля,
Летел он серым парусом;
Сегодня милая земля
Покрылась белым гарусом.

Мой сад из яблонь, груш и слив
Сверкает нынче блёстками;
Не стало видно сжатых нив
Под нежными полосками.

Сегодня в бисере окно,
Целую тихо стекла я;
Крылечко всё занесено;
В саду листва поблёклая.

Сегодня — зимняя пора...
Но светлым разве стану я? —
Тоска сегодня, как вчера,
Зияет черной раною.

* * *

О, моя скорбь, перестань!
Глохнет душа и не верит.
Времени серую ткань
Сердце, как маятник, мерит.

Между кровавых гвоздик
Медленно вянут левкои.
В душу мне холод проник,
Бог меня ранил тоскою.

Образ неведомо чей
Ночью до боли мне снится:
Смотрит печаль из очей
Сквозь золотые ресницы.

Призраки прошлого лгут!
Глохнет душа и не верит.
Марево тусклых минут
Сердце, как маятник, мерит.

* * *

Ветер стукнул ветхой ставней;
Сон умчался, и далёк он.
Я томлюсь от муки давней,
Я гляжу на тёмный локон.

Кошка дремлет и мурлычет,
Хвостик серый, в пятнах лапка.
Жизнь со Смертью так граничит,
Сердце глохнет зябко-зябко.

Розы вянут под часами,
Спит рояль, и спят картины;
Спит камин, — уснуло пламя...
Помню, помню миг единый.

Где ты, где ты и жива ли?
Образ милый, как далёк он!
Нет разлуки! Бог — в печали!
Я гляжу на тёмный локон.

Тихо-тихо в старом доме;
Меркнут свечи... запах гари.
Чей портрет вон в том альбоме?
Всё сгорело в злом кошмаре.

Были сказки... были люди...
Думал ярко, верил свято...
Мысль о Боге, крик о чуде —
Всё изжито... всё измято...

Да, конец мой близок, явен:
Нет дороги, песни спеты...
Вопли ветра... хохот ставен...
Тёмный локон... Крошка, где ты?..

* * *

Всё сгорело в удушливом дыме.
Я с презреньем на солнце взгляну
И не буду я вместе с живыми:
Надоело томиться в плену.

Вы меня никогда не любили;
Я люблю ли, не ведаю сам.
Не ищите меня и в могиле:
Нет покоя таким мертвецам.

Буду тенью без сердца, без речи,
Паутиной окутаю мир,
Берегитесь тогда со мной встречи:
Ничего не прощает вампир!

Вы смеётесь... Пока мне не веря,
Не боитесь и шепчете: «Ложь!»
Но тогда не помогут ни двери,
Ни слеза, ни молитва, ни нож...

Я приду то в костюме паяца,
То монахом, то просто, как гость,
Чтоб за всё, наконец, расквитаться:
За капризы, за ложь и за злость...

Что? уж лучше бы смерть поскорее? —
Сам порву вашу черную нить...
В преисподней найти вас сумею:
Мало Вечности мне, чтобы мстить!

* * *

Люблю я грусть осенних кратких дней
И мёртвый лист, и блёкнущие хвои:
Тогда душа становится полней,
Чем поля ширь, чем небо голубое.

Люблю печаль осеннего дождя
И ветра плач, и птиц полночных стоны:
Тогда тоска впивается в меня,
И я гляжу в испуге на иконы.

Люблю кошмар осенних злых ночей.
И горечь слёз, и памяти укоры:
Тогда во мне безумнее, грозней
Горят твои таинственные взоры.

Люблю, томлюсь и падаю без сил.
Зову... кого? зову... зачем? — Не надо:
Я так страдал и так тебя любил,
Что мне навек лишь в осени отрада.

* * *

Вдоль стен старинные эстампы
И бледный грезящий фарфор.
С колодой карт у грустной лампы
Веду безмолвный разговор.

Конца нет призрачным минутам,
И жутко бродит тусклый взгляд:
Пасьянс, как жизнь, нелепо спутан,
А карты правду говорят.

Король... опять не вышла дама...
Я знаю, — к этому привык:
Зачем так злобно, так упрямо
Не лжёт их медленный язык!

Опять исчезли все фигуры:
Всё — двойки, тройки невпопад,
И снова туз пиковый хмуро
Испортил сразу целый ряд.

Куёт судьба мне круг порочный,
Скучна она, как этот зал...
Смешаю карты я нарочно,
Как всё в душе моей смешал!

* * *

В чужом краю, где небо голубое,
Я всё гляжу на гаснущий восток,
Томлюсь в тоске, покинутый тобою
И жду (как жду!) твоих заветных строк.

Хоть ты ушла, но разве я поверю,
Что не живешь ты мыслью обо мне;
И я стою пред запертою дверью,
И я всё жду в каком-то полусне.

Проходят дни, а ночи дышат адом,
И медлит солнце в комнату войти,
А твой портрет своим печальным взглядом
Мне говорит, что ты — на полпути.

Гляжу в окно, и, мнится, предо мною
Родного неба синяя кайма,
И ты на даче утренней порою
Целуешь край желанного письма.

* * *

У камина с потухшей сигарою
Я встречаю сам-друг Новый Год;
Вспоминается прошлое, старое:
То, что умерло, снова живёт.

Что-то светится, что-то разбужено...
Плачу горько, сурово, без слёз.
Где ты, счастье мое? где, жемчужина?
Кто тебя безвозвратно унёс?

Детство ранено; юности не было;
Что такое родительский кров?
Жизнь моя суетилась и бегала
По холодным камням городов.

Все желанья, мечты — перепутаны,
Что предсказано, то не пришло,
А любовь обманула минутами,
Пошутив так нелепо и зло.

Ты любила, чтоб кончить изменою:
Помню яд этих розовых губ...
Никуда теперь сердца не дену я
И томлюсь: не живой и не труп.

Жуткий ветер гудит так неистово;
Все оставили: люди и Бог! —
Кто-ж нальёт мне вина золотистого,
Чтоб со Смертью я чокнуться мог?..

* * *

Эй, старуха, погадай-ка,
Хоть устал я от чудес!
И трещит, как балалайка:
«Путь далёкий, интерес,

Две болезни, деньги, ссора,
Девка бросила тебя,
Да опять вернется скоро,
И тоскуя и любя...

Э, да с виду только стар ты...
Знаешь, в умном дураке...» —
«Ладно, брось, цыганка, карты:
На, — гадай мне по руке».

«То же, то же: путь, забота, —
Ты счастливый, барин, слышь:
Больно любишь ты кого-то,
Что бежать? — не убежишь...

Ждёт тебя большое дело!
Знаешь, ум — для дурака...» —
«Ну, довольно, — надоело:
Лгут и карты, и рука!»

* * *

В сером дыме папиросы
Все мгновения короче.
Вижу бронзовые косы,
Вижу раненные очи.

Всё, что было, вдруг поблёкло
В этом дыме, в этой ночи.
В затуманенные стёкла
Ветер бьётся... Нету мочи...

Виснет дым... Тоска какая!..
Всё-ж душа моя хлопочет,
Всё-ж, куда-то увлекая,
Вихрем — вьюгой жизнь хохочет...

Вяло гаснет папироса...
Всё чего-то сердце хочет...
Вновь мелькнули тени косо...
Всё морочат и морочат...

* * *

Как часто, милый друг, не знают люди сами
В лукавой пестроте изменчивых минут,
Чей голос ранит их, какое мучит пламя,
Какие письмена их более влекут.

То холодом немым, то страстию томимы,
То — вечная любовь (её вдруг слышат зов!),
То хочется пройти, совсем не глядя, мимо
В безвестную страну безвестных берегов.

Как часто, милый друг, не знают люди сами,
Кому поёт любовь, о ком её слова:
То близкие душе покажутся врагами,
То вдруг от кратких встреч кружится голова.

Мы любим... но кого? — других? мечту? себя ли?
Иль это реет Бог и Божья благодать?
И что сулит любовь? — забвение? печали?..
Кто сердцу даст ответ? Кто может разгадать!

* * *

Папоротник — лапы;
Череп — серый пень;
Гриб прогнивший шляпу
Сдвинул набекрень;

Плачет там в долине
Смятая трава;
В жуткой паутине
Чёрная листва;

Мёртвых веток залежь;
Грустный, грустный вид...
Знать, не у меня лишь
Сердце так болит!

* * *

Неужто в светлом зеркале
Мое лицо? не верю!
Как жутко исковеркали
Сомнения, потери!

Кто лоб рассек морщинами?
А взоры кем убиты?
Кто ласками змеиными
Украл мои ланиты?

Кто мне склонил так голову,
Уста сковал мне хладом? —
Их мертвенное олово
Покрыто страшным ядом...

Всю душу исковеркали!
О, близкая развязка:
Мелькнёт в суровом зеркале
Безжизненная маска!

* * *

Лист увядший, как жёлтый кристалл;
Как ребёнок, заплакала птица.
Лист, который на землю упал, —
Как он сможет потом возродиться?

Дни, как чёрный угасший агат;
Как могила любовь замолчала.
Дни, которые рано сгорят, —
Как опять им увидеть начало?

* * *

Осина — в белом платьице:
Зелёное наскучило.
А за-полем маячится
Избёнка, словно чучело.

Зима — такая милая:
Письмо прислала белое
О том, кого любила я,
Кому сказать не смела я...

Зиму крестьяне встретили:
Пестрым-пестра околица. —
О ком, не о поэте ли
Душа болит и молится?..

Все стали вдруг хорошими!
Дымок так низко стелется.
За первыми порошами
Прибудет и мятелица.

Грущу я, слёзы ка̀тятся:
Поверить не сумела я...
Осина — в белом платьице...
И даль — такая белая!..

* *
*

Жизнь — обманчива, сердце — беззвездно:
В нём, как шорох невидимых змей
И как чёрная жуткая бездна —
Память прошлых растоптанных дней.

То звучит мимолётною флейтой
И рыдает, как сон наяву,
Утешающий, ласковый чей-то
Голос, — чей он... никак не пойму.

То напевом далёкой свирели
Проплывают и гаснут слова,
И мелькает чуть-чуть, еле-еле
Чья-то в синем венке голова.

То... о, Боже мой, чьи это взгляды
(В нём и солнце, и жгучая боль!)
То ребёнка, то хищной наяды?
Как забыть их, не помнить... Давно-ль?..

Думы ранят, томятся и стонут,
И уносятся в вихре пустом;
Жизнь — обманчива, прошлое — омут
Под разломанным чёрным крестом.

* * *

Туман опаловой завесой
Дорогу милую облёк;
Но из лазоревого леса
Подул незримый ветерок:

Исчезли мертвенные клочья,
Дорога стала голубой. —
Но я... не в силах превозмочь я
Завес, опущенных судьбой!

Вся жизнь проходит будто мимо,
Туман, как каменная дверь,
И в нём друг другу мы не зримы, —
Быть может, к лучшему, поверь...

* * *

Без конца-ль эта серая жуткая нить!
Солнце стало всё ниже да ниже. —
Для того, чтоб острее, чтоб ярче любить,
Я тебя до тоски ненавижу.

Что такое любовь? — потерять, не найти,
Бога сжечь и молиться дракону. —
Для того, чтоб не сбиться с земного пути,
Я невидимых струн не затрону.

Да погибнет любовь, если жизнь где-то там
Не продолжит того, что уж было! —
Для того, чтоб не кончиться этим мечтам,
Я сойду за тобою в могилу.

* * *

Я гляжу с высокого балкона
В полумрак открытых настежь окон,

Где пред Ликом Иверской иконы,
Неподвижен чей-то нежный локон.

Запах яблонь тянется из сада,
Голоса звучат так смутно, плохо...
У иконы — синяя лампада,
Трепетанье горестного вздоха.

Вышли звезды. Светлые, скажите,
Кто там плачет скорбно у киота,
И о чём горячие мольбы те,
И по ком тяжёлая забота?

У меня нет в комнате иконы,
Нет лампадки, Бога нет,—далёк Он...
Я гляжу с высокого балкона
И целую в мыслях нежный локон.

* * *

Любили нас, любили сами,
Горели радугой сердца;
Но верь, погаснет это пламя...
И так — до самого конца!

Терзали нас, терзали сами,
Горели мукою сердца;
Но знай, не меркнет это пламя...
И так — до самого конца!

* * *

В углу лениво ткёт паук.
Мигают призрачные свечи. —
Приди скорее, милый друг:
Давай делить осенний вечер!

Тоска! Сварил я пьяный грог:
Кому отлить мне половинку? —
Хотя-б прислала пару строк
И в них — родимую былинку!

Погасли свечи; нет огня:
Начну играть с Судьбою в жмурки, —
Хотя бы вспомнила меня
В своей лазоревой конурке!

Печаль хозяйкою в дому,
И Смерть гуляет там по крыше,
И тяжело мне одному. —
Как хорошо, что ты не слышишь!..

* * *

Я лежу на дне колодца;
Тихо шепчет мне вода:
«То, что было, не вернётся,
Не вернётся никогда».

Глухо шепчет злая тина:
«Не вернёшь его назад,
Впрочем, право, всё едино:
Сам, голубчик, виноват».

Мерно шепчет сердце то же.
Жить как прежде? — как начать!
Не могу я... Боже, Боже, —
О, вели им замолчать!

Мёртвый спит, и он проснётся,
Чтоб изведать только ад...
Я лежу на дне колодца:
«Сам, голубчик, виноват!»

* * *

Сегодня снова жизнь предстала:
Душа моя пробуждена,
И вновь из нового бокала
Я выпил нового вина.

Тоска железная сгорела,
Исчез сомнений жуткий дым,
До старых призраков нет дела:
Я вновь люблю и вновь любим...

Сегодня снова близок к цели,
И в сердце, только что немом,
Желанья новые запели,
И грянул новой бури гром.

Я стану весело бродяжить,
Внимая смеху детворы:
Опять деревня, горка, пажить
И в далях новые миры...

Сегодня снова храм воздвижен,
И Бог со мной заговорил
Средь дол, лесов, полей и хижин,
Меж туч и пламенных светил.

Я бедным всё до нитки роздал,
При мне лишь посох да сума;
Опять я — призванный апостол
За пеньем нового псалма...

Ах, нет! Давно конец забавам:
Всё — сон приснившийся рабу!
На мне давно истлевший саван,
И я давным давно — в гробу...

Пускай другие будут в храме:
Для них и жизнь, и песнь, и гром,
А мне в моей проклятой яме —
Лишь злая память о былом!

* * *

Целую хладное стекло
Любимого портрета:
Его мне время сберегло,
Тебя отнявши где-то.

Печаль прозрачного стекла
Не внемлет поцелую,
И в сердце мертвенная мгла
Томит любовь больную.

Но ты безмолвна под стеклом,
Как прежде ты молчала,
Когда, забывши о былом,
Портрет без слов отдала.

Прильнув к бесстрастному стеклу,
Не в силах разгадать я,
Зачем любовь стремится к злу,
А смерть несет об'ятья.

Следы тускнеют на стекле
Любимого портрета. —
Когда я буду на столе,
Верни лобзанье это!

* * *

Я гадал тебе, тихая, скорбная, милая,
И сказал я тебе: «Не спеши, —
Всё придёт, как назначено высшею силою:
Смерти нет для небесной души.

Отгони ты сомнение, — грех оно, яд оно;
Эти мысли, печали, — как лёд,
И любовь благодатная струйками ладана
В твое грустное сердце сойдёт.

Что такое минувшее! — розовой почкою
В нём таятся грядущие дни.
Все минуты не кажутся-ль этой цепочкою,
Что змеится на шее? — Взгляни:

Эти звенья холодные крепко так спаяны:
Что их держит, чья страшная власть?
Кто-то нами невидимый тронет нечаянно,
И дождём они могут упасть!» —

Я гадал тебе, тихая, скорбная, милая,
Обо всём... обо всём... обо всём,
И мечта молодая, любовь легкокрылая
Загорались во взоре твоём.

Но случилось вдруг то, что сказал я заранее,
Ничего, ничего не тая:
Точно волею Рока, что̀ слышит гадания,
Разорвалась цепочка-змея.

И звено за звеном, как былые мгновения,
Покатились, не знаю куда;
И казалось, что видел угасшие тени я,
Будто в час рокового Суда...

Ты от ужаса вскрикнула: «Всё уж потеряно!» —
Я упрямо и твердо сказал:
«О, живи, моя сильная, ярко, уверенно:
Бог устами моими гадал!»

* * *

Блуждал я, не зная путей;
Хранил меня ласково Бог;

Открыты мне души людей,
Я к миру земному не строг.

Знакомы мне зори начал,
И ведомы бури концов:
Я долго и жутко молчал,
Горя от несказанных слов.

Ты вспомни меня как-нибудь,
Как, тихо по миру бредя,
Я сердце твое отомкнуть
Сумел, дорогое дитя.

Для счастья мне не дано сил:
Плачу за обманы и зло. —
А как бы тебя я любил!
А как бы нам было светло!

Обломки былого свежи.
Всё прожито, знаю я сам:
Прошедшего нет для души,
Грядущего нет мертвецам...

А надо и жить, и расти,
И надо любить всех людей...
Отец мой небесный, прости
Безумие грешных путей!

Слаба наша знойная плоть,
Бессилен тоскующий дух,
Но к нашей молитве Господь
Не будет, не может быть глух!..

* * *

Я жил. Я умер. Я воскрес. —
И в бурю жизни брошен снова
Для мук, для песен, для чудес,
И не хочу пути иного.

Опять! земная боль — всё та-ж,
Мечты вне времени знакомы:
Тоска, печаль, любовь, мираж
И жажда верить по-другому.

Эй, раб! что было, повтори,
Как будто горе будет реже:
Без снов, без счастья, без зари,
А раны в сердце те же, те же!

Свой круг, так надо, я замкну:
О, как мне в нём темно и тесно...
Итак, — в загробную страну! —
Живу. Умру. И вновь воскресну!

* * *

Своеобразна жизнь! И яркой панорамой
Мелькает день за днём в лукавой пестроте;
Напрасно жалкий ум, холодный и упрямый,
Желает всё познать, доступное мечте...

Моя любовь была то радостным гротеском,
То вдруг вставал её кошмарный силуэт;
То ослепленный вдруг ее безумным блеском
Терял я разом всё, то сразу меркнул свет.

Мне помнится, как ты Дианой в строгом стиле
Мой путь пересекла, метнув в меня стрелой:
О, как за то потом мы горько заплатили
Разлукой навсегда и ненавистью злой!..

Своеобразна жизнь! Еще одна страница,
И кончена она, и Смерть захлопнет том...
О, праведный Господь, не дай мне вновь родиться,
Прими меня навек в лазурный отчий дом!

* * *

Казалось нам, что только двое
Всего нас было на земле,
А небо чёрное и злое
Кривлялось хохотом во мгле.

Ты так мучительно молчала,
Что мне хотелось умереть.
И без конца, и без начала
Печаль плела над нами сеть.

И холод ужаса больного
Сковал мне бледные уста:
Земля ждала, казалось, слова
И потому была пуста.

Луна и звёзды все погасли,
И Время стёрлось, без следа;
Душа скорбела: не сейчас ли
Начало Страшного Суда!

Не будет больше светлых песен,
Не будет больше светлых слов,
И мир немой тосклив и тесен
Для двух забытых мертвецов!..

* * *

Давно у Господа в долгу,
И дни мои — в кредит.
Никак понять я не могу,
Что жизнь ещё сулит.

То будто завтра новый том
Душа моя начнёт,
То всё давным-давно в былом,
И близок Смерти гнёт.

То шлю себе за всё упрёк,
То с верой в даль гляжу;
То весел я, как мотылёк,
То тенью вдруг брожу.

Ах, кто я? — схимник иль поэт? —
Не знаю... Что за жуть? —
Возьму ли чёрный пистолет,
Иль крест и — снова в путь?

В каком-то дьявольском кругу
Судьба моя горит...
Живу у Господа в долгу,
И дни мои — в кредит!

* * *

Плач и смех; восторг и стоны;
Шопот сердца, шум речей;
Звон скатившейся короны;
Лязг изношенных мечей;
Песни, вздохи, гул органа,
Клич пророка, зов купца;
Буйный топот балагана
Без начала, без конца...
В этом дьявольском концерте
Мысли, звуки, люди лгут:
Верен только голос Смерти,
Правда — только Божий Суд...

* * *

Не знаю, как мне быть,
Но должен, должен плыть.
Небесный свод глубок,
Надёжен мой челнок.
Светлей, чем небеса —
На мачте паруса;

Как память о земле —
Икона на руле.
Два берега реки —
Молитвы и грехи.
И злится чёрный вал,
И страшен призрак скал.
Далёк и труден путь;
А пристань... где-нибудь!

* * *

Из полумёртвых бледных впадин
Зияла пара тусклых глаз;
Твой лик суров и беспощаден,
Как Смерти каменный рассказ.

Меж губ зловещая гримаса,
Как ада жуткого привет;
А кудри — медная кираса,
А стан — изломанный скелет.

Вошла, взглянула и — ни слова;
Но знал, что это — тоже ты:
Не призрак разума больного,
Не бреда чёрные цветы.

Я слышал в комнате квадратной
Напев далёких похорон...
О, мука жизни безвозвратной!
О, правду мне сказавший сон!..

* * *

Я не знаю, вернусь ли, —
Я ушёл от земли;
Мои звонкие гусли
Замолчали в пыли.

Было трудно уйти мне,
Но тяжеле — возврат;
В моем каменном гимне
Горе с мукой дружат.

И подкошены годы,
Это — Смерти коса;
Как тюремные своды,
Здесь мои небеса.

Мои думы, боитесь
Вы печали земной;
Я — поверженный витязь,
Я — мечтатель больной.

Здесь прикован я к плену,
Путь обратный зарос...
О, прости мне измену,
Белоснежный Христос!..

* * *

Затаив последнюю обиду,
Я ушёл от грустного Христа:
Чту теперь богиню Артемиду,
Хоть душа тосклива и пуста.

Не нашёл, искал чего, нигде я,
Всё ничтожно в мороке слепом;
И в слезах, и снова молодея,
Пал я ниц пред тающим серпом.

Оглашая жутким долгим стоном
Даль лесов и мир весёлых нив, —
Пусть умру я гордым Актеоном,
Навсегда земное разлюбив!

Артемида! Мне теперь близка ты,
И назад, я знаю, не вернусь,
Но в лучах твоих горит Распятый,
Бог Единый, скорбный Иисус...

Артемида! я не призван к бою,
И отбросив меч свой и пращу,
Я, разстаяв тучкой голубою,
В небесах тебя перекрещу...

* * *

Я блуждал по всем дорогам,
Я стучал во все сердца:
Путь суровый дан мне Богом
Без начала, без конца...

Я молился в разных храмах,
Я искал у всех жрецов
И в мечтах своих упрямых
Не нашёл ответных слов.

И разрушив все скрижали,
К звукам жизни стал я глух:
В сером мареве печали
Свет мечты моей потух...

Каждый миг несёт потерю:
Но любя свою звезду,
Я в кого-то крепко верю
И чего-то свято жду!..

* * *

Вечер. Небо капризное хмурится
И закуталось в грязную шаль.
Тихо бродит унылая курица,
Будто тоже ей прошлого жаль.

Туча грузной ползёт колымагою;
Лес испуганный мрачен и наг;
Листья мёртвые жёлтой бумагою
Завалили уснувший овраг.

Утро медленно так просыпается
От гнилого тяжелого сна.
Быть печальным и мне полагается, —
Не хочу я! — Подайте вина!

Ночью слушал я песню осеннюю
И понять из неё только мог,
Что кощунственно верить мгновенью,
Что в печали рождается Бог.

Люди злятся и шепчут мне: «Пьяница!» —
Наливайте мне новый бокал...
Это сердце вовек не обманется:
Быть весёлым мне Бог наказал!

Небо кислое... хмурое... серое...
Солнцу, кажется, выглянуть лень. — —
О, как свято, как пламенно верую
Я в великий немеркнущий день!

* * *

Из холодного чёрного омута
Сердце внемлет святым голосам;
И взмолился я Богу какому-то,
Но какому, — не ведаю сам.

Всё равно мне! — молился ведь честно я
И страдал до конца и без лжи...
О, великая сила небесная,
Дай мне веру и путь укажи!

Пусть я Имени Бога не ведаю,
Но я слышал далёкую речь
И теперь мимолётной победою
Я не дам свою душу увлечь...

Мне не надо блаженства мгновенного, —
Что мне жизни земной берега?
Я избавлен от Времени тленного,
Я — свободен: я — Божий слуга!

* * *

Господь, внемли моленью
Души моей пустой!
Брожу я серой тенью,
Бездомным сиротой...

Марал свой крест в грязи я,
Жила во мне вражда,
И скорбная Россия
Бывала мне чужда.

Был предан грешной лени,
Был дерзок и упрям
И в мареве мгновений
Служил иным богам.

Я жил в больном мираже,
Во мне был карнавал;
В любви любил себя же
И лаской убивал.

Господь, я мук не трушу:
Ещё страданья? — что-ж!
Сожги пустую душу,
Развей тоску и ложь!..

Былое всё сгорело;
О, гром небесный, грянь:
Пускай разит за дело
Карающая длань!

Коль жить я не умею,
Коль я отверг любовь,
Казни меня скорее
И сердце обескровь!

Смири мою гордыню,
Терзай меня больней,
Но мертвую пустыню
Души моей согрей!

Возьми меня в оковы,
Бичуй мои уста,
Но дай венец терновый
И не лиши креста!

Убей средь мук проклятья,
Но светлым воскреси,
Чтоб смог ожить опять я
Для неба и Руси!

* * *

Прими печаль, уйди от света,
Спрячь от людей убитый взор:
Будь верным рыцарем обета, —
Ступай один, ступай в затвор!

Умолкни, горсть немого праха, —
Пускай любовь могильно спит...
О, жизнь угрюмого монаха!
О, заповедный черный скит!

Забудь, — тебя забудут тоже,
И будешь ты закован в лёд... —
Но вдруг она простит мне, Боже?
Но вдруг она ко мне придёт? —

Молчи, безумец, раб лукавый, —
Не будет розовой зари:
Отвергни мир с его отравой
И тихо, медленно умри!

* * *

Светло в моём затворе
И тихо, как в Раю;
Здесь Богу на просторе
Псалмы мои пою.

Со мной цветы и птицы,
И небо без конца:
У них учусь молиться
И славить мир Творца.

Я слышу чьи-то речи
И шорох неземной;
А звезды, словно свечи,
Мерцают надо мной.

Земля — вся в изумруде,
Земля — как Божья Плоть...
Я знаю, где-то — люди:
Помилуй их, Господь...

Леса, поля и зори
Хранят любовь мою.
Светло в моём затворе
И тихо, как в Раю...

* * *

На перекрёстке двух путей
Судьба мне машет чёрным флагом;
Но посмеялся я над ней
И вдаль ушел веселым шагом.

На повороте возле стен
Со Смертью мчалась колесница:
Но разорвал я серый плен
И приказал посторониться.

У входа в Вечность близ перил
Кривлялся Дьявол на пороге;
Но я его перекрестил
И скрылся в пламенном чертоге.

Луна горела, как нефрит;
Я видел Бога, но не славил:
Моя душа болит, болит
По той, что я внизу оставил.

Во мне покой давно исчез,
И ничему теперь не внемлю:
Я на земле искал небес,
Но в небесах люблю лишь землю!

* * *

У нас в святом монастыре
Так дышется привольно...
Здесь ангел Божий на заре
Поет на колокольне.

Кто с нами, тот ни млад, ни стар;
В молитве — вся отрада;
Не знаем мы греховных чар,
И счастья нам не надо.

Скорбит душа в Великий Пост,
И жизнь тогда сурова, —
Но ярче света Божьих звезд
Заутреня. Христова.

Мы помним все про Страшный Суд,
Должны о нём молиться, —
Но в кельях цветики цветут,
И Бога славят птицы.

В глухом лесу есть чёрный скит,
Затворник там безногий, —
Но светлой песнью говорит
Он нам о вышнем Боге.

Покой небес мы тут нашли,
Сгорели все печали, —
Но все грехи со всей земли
Мы на себя бы взяли.

Как свет заоблачных светил,
Мой крест на аналое;
Игумен мудрый запретил
Нам помнить всё былое.

И я забыл про гнёт земной,
Вся жизнь теперь ясна мне:
Она беседует со мной
В цветке, в воде и в камне.

Мне жаль людей в больном миру,
В их тягостном угаре;
Слезинку каждую утру
С любовью каждой твари.

А смерти страх давно исчез, —
Оставить мир не больно
Под песню ангела небес
На нашей колокольне.

* * *

Молиться, каяться я более не в силах!
Устал от скорби я, от грусти изнемог
И жажду радостей, хочу улыбок милых,
Смеяться весело, склонясь у юных ног.

Томленье чувствуя, бегу из мрачных храмов
Туда, где солнышко, где тает вешний путь,
А ночью грезятся в мечтах моих упрямых
Об'ятья жаркие и розовая грудь.

И мысли знойные сожгли своим пожаром
Мне душу грешную, и мной владеет страсть;
Сгораю радостно, отдавшись светлым чарам
И в бездну жуткую хочу скорей упасть.

Исчезнет, знаю я, всё, чем теперь волнуем,
Утеха нежная мне скоро надоест:
Тогда, отравленный последним поцелуем,
Я в руки сильные опять возьму свой крест...

* * *

Снегом разузорено
В келии окно.
Всё уже повторено
Так давно-давно...

Душно мне от ладана,
Глухо стонет плоть.
Что-то не разгадано:
Помоги, Господь...

Тяжко давит голову
Чёрный мой клобук.
Хочется веселого
И тебя, мой друг...

Скорбно я отвествую
Братьям на вопрос.
Ты была невестою, —
Кто-то всё унёс...

Проповеди, диспуты,
Пение псалмов...
Чую, где-то близко ты
В муке жутких снов...

Стали дни веригами,
Болен разум мой:
Я отравлен книгами,
Их проклятой мглой...

Я боюсь Причастия,
Верить не могу...
Словно в чьей-то власти я,
В тягостном кругу...

Звоны колокольные...
Полутёмный храм...
Как страдаю больно я...
Нет конца слезам...

Где ты, Богородица? —
Скорбного утешь...
О, как лгать проходится,
Если в сердце брешь!

Я пойду к игумену —
Всё ему сказать:
Вон беги, зачумленный!
Прочь беги, как тать! — —

Нет... Держу кадило я, —
Буду жить, как жил:
Ты не любишь, милая...
Я и позабыл!..

* * *

Я все обеты властно рушу!
В глухих стенах монастыря
Зажгла усталую мне душу
Моя воскресшая заря.

В огонь, умолкнувшие чётки,
Одежда черная, как ночь! —
Сломаю крепкие решетки,
Бегу скорей отсюда прочь...

Я буду жить, как жил когда-то,
Сгорая в пламени больном,
Смешавши чёрный яд разврата
С кроваво-пурпурным вином.

Сниму с души своей проказу,
Смеясь шагну через порог,
Забуду обе жизни сразу:
Солгала ты, солгал и Бог!

Но если там в миру ты снова
Меня полюбишь, — я хочу! —
И пред иконою былого
Зажжёшь ты яркую свечу;

И если ты в упрямой злобе
Затмишь опять свой ясный взгляд,
Тогда погаснете вы обе,
И — в монастырь иль прямо в ад!

* * *

Лишь инок бледный знает страсть, —
Она змеится в снах усталых,
Как ада пламенного власть
В лукавой Вечности провалах.

Над бездной виснет монастырь,
Но чёрный инок будет светел:
Молчит небес немая ширь,
Но знойный грех ему ответил.

Пускай нарушен строгий пост,
И гибнет мучеником тело:
Душа не хочет больше звёзд,
И для земли она говела.

Пускай оставила Христа
И жадно рвётся к Афродите:
Она поймёт, что жизнь пуста
И лжёт, как спутанные нити!..

И ясен будет юный взгляд,
Который в страсти был безумен, —
И вновь у монастырских врат
Обнимет инока игумен...

* *
*

Прикован я, как Прометей,
И коршун злой клюёт мне печень:
Надзвёздных я искал путей,
А на земле жить было нечем...

Распят на древе, как Христос,
И вбиты гвозди в руки, в ноги:
Я был Мессией! — я принёс
Благую весть о новом Боге...

Мне Смерть затмила синеву;
Но, жизнь отдавши светлой данью,
Земную цепь я розорву
И вновь воскресну по Писанью!

* * *

Сегодня особенный день, —
Душа моя стала другая:
Ещё роковая ступень,
И что-то я снова узнаю.

Светло мне, — от звёзд, от себя-ль;
А ночью легко так, и снится
Прозрачная тихая даль
И в ней — голубая зарница.

Цветами украсил портрет,
И комнатка стала чертогом.
Я ласкою чьей-то согрет, —
Не ты ли мне послана Богом?

Я вижу сияющий перст
И прошлого, знаю, не трону;
Смиренно целую твой крест
И жадно молюсь на икону.

Еще одна только ступень
И... что-ж ты молчишь, дорогая? —
Сегодня особенный день:
Сегодня я что-то узнаю!

* * *

С. Ч.

Не по нраву мне немецкий
Вялый, скучный, серый день,
Этот робкий голос детский,
Этот край без деревень!

Где зелёные овражки,
Синий цветик у межи?

Даже пыльные букашки
В русском поле хороши!

А леса, а пруд в тумане,
А собаки у ворот,
А усталые крестьяне
И веселый хоровод?

О, как пахнет дикой мятой
За дорогою пустырь!
А багровые закаты
И на горке монастырь?

Всё по сердцу, всё красиво
В далях нашего села:
Даже злющая крапива
У завалинок мила!

О, как помню перезвоны
Белых маленьких церквей...
Лучше русские вороны,
Чем нерусский соловей!..

Ближе к Богу наше небо, —
Там и солнца ярче свет...
Горек вкус чужого хлеба,
И не мил чужой привет!

Где смешные трясогузки
И простор — большой... большой, —
Словом, всё, что только русский
Любит пламенной душой?..

Здесь печаль владеет мною.
О, тоскливый, скучный вид...
Мне по сердцу лишь родное,
И по нём душа болит!

* * *

Она живёт у тихих лунных скал,
Внимая гуслям — самогудам,
И скорбных губ безжизненный кристалл
Глядит померкшим изумрудом.

Как блёклый лотос — грустная рука,
Как мёртвый жемчуг — узкий ноготь:
Её души уснувшие века
Ничто, ничто не может трогать...

* * *

Скучен возраст мой вечерний;
Хоть и пламенно молюсь,
Но смешней и суеверней
День от дня я становлюсь.

Вечно в поисках ответа
Жадный слух мой, острый взгляд:
Сон, гадание, примета
Мне о чём-то говорят.

День и ночь томят загадки
В муках, в пламенном бреду;
Но храня вина остатки,
Я любви и правды жду...

* * *

Всю жизнь — и радость, и печали,
Весь путь до похоронных дрог
Мы сами, милая, избрали,
И нас за то карает Бог.

Как часто-часто вспоминаю
Тот выбор в небе, выбор мой, —

И не страшна мне мука злая,
И не спешу я в мир иной.

Не мог избрать пути другого!
Не мне подсчитывать итог:
Когда приду на небо снова,
Его об'явит мне сам Бог...

* * *

Давно поверил я приметам.
В игре везет таким влюблённым...
Сраженье новое с поэтом? —
Теперь за столиком зелёным?..

Горды мы: смело переносим
Почти с улыбкой горе злое...
Va banque! — У вас? конечно, восемь!
Что у меня? — сейчас открою.

Ужель опять вы победили
И засмеётесь до упадка?
И там, и здесь — везде убили? —
Глядите: кажется... девятка.

* * *

О, камни вы! о, звери вы! —
Любовь из сердца гоните:
Скорей заплачет дерево,
Чем вы слезу пророните...

Вы тусклы, точно олово! —
Ни в бой вступить, ни в храм идти;
Ни праздника веселого,
Ни подвига, ни памяти...

И вас рукой железною,
Во имя Бога вражьего
Распнут над красной бездною,
И вы сгниёте заживо!..

* * *

Я знаю, ненависть — злой грех:
Своих врагов простил давно я.
Забыл я всё, забыл я всех,
И в сердце умерло былое.

Но как простить чужих врагов,
Чьи руки губят братьев милых? —
Для них не знаю светлых слов,
Любить их, Боже, я не в силах!

Я знаю, меч — начало зла,
Мне для себя его не надо:
Хоть мало сил судьба дала,
Но имя Божье мне ограда.

Но если гибнут брат, сестра,
И Смерть стоит у их порога,
Тогда пусть будет сталь остра:
Моя любовь мне ближе Бога!

* * *

Жуткая осень. Конец октября.
Ночь непробудная. Медлит заря.
Месяц кровавый в недвижной реке.
Песни и крики, и пляс в кабаке.
Голь разгулялася. Брань. Самогон.
В дыме табачном не видно икон. —
«Попили кровушки нашей! теперь...» —
Мести, расплаты потребовал зверь:

Дай ему крови, — ты сам виноват,
Сытый, безжалостный Авеля брат!
Мстит за отцов он, за жён и невест,
Мстит, сам не зная, за попранный крест. —
«Мы вам покажем, растак вашу мать,
Как на войну мужика посылать!
Что мы — бараны аль стадо овец?
Ладно, вот будет победный конец...
За-нос водили, что малых детей, —
Знаем, чем пахнет от барских затей.
Выкуси... хватит!» — На волка похож! —
Дай ему сердце за чёрную ложь.
Сам ты ковал ему эти мечи;
Выкормил зверя, теперь — получи... —
«Адом пужали вы тёмный народ...
Будете помнить семнадцатый год!
Мы вам пропишем: не хуже, чай, вас!» —
Слышишь в их вопле Божественный глас?
Людям и небу ты лгал свыше сил,
В сердце народном ты Бога убил, —
Жизнью заплатишь за мрак и за гнёт,
Твой же потомок тебя проклянёт! —
«С бабами нашими любите спать?
Будет и бабам теперь благодать:
Пусть-ка попляшут в господских шелках,
Барские кольца на ихних руках!
Девкам картинки дадим, зеркала,
Шляпки да зонтики... Наша взяла!!» —
Вот она кара земного пути!
Сердце пустое, скорее плати.
Грабь, что награблено, злое от зла,
Вечное жуткое: наша взяла...
Грех и безумие, стыд и позор, —
Время и Дьявол вам точат топор!
Бог не откликнется, — лжива мольба:
Деспоту—участь его же раба.
Хладное сердце тяжеле свинца;
Злое от злого, и — так без конца...—

Голь разгулялася. Брань. Самогон.
В дыме табачном не видно икон.
Стонет за окнами тягостный мрак
Ветром охрипшим и воем собак.
Ночь непробудная. Медлит заря.
Жуткая осень. Конец октября.

* * *

Разве сны кристальней
Только в чёрной спальне?
Разве могут сниться
Только злые лица?
Разве перемена
То же, что измена?
Разве маска грима
То же, что и схима?
Разве винограда
Иноку не надо?
Разве блеск жемчужин
Нищему не нужен?
Разве: дорогое,
Значит: никакое?
Разве: не забуду,
Значит: лживым буду?.. —
Хоть вопросы — шутка,
Но ответить — жутко!

* * *

Как печаль твоего поцелуя,
Эта ласка осеннего дня. —
Не грустить по тебе не могу я:
Всё терзает и ранит меня.

Как признанье моё без ответа,
Взор осеннего неба погас. —
Я люблю и страдаю за это:
Красота и любовь — не для нас.

Как душа твоя грустно-немая,
Этот милый осенний покой. —
Только прошлому жадно внимая,
Я живу своей Божьей тоской.

Как осенние ночи в туманах
И как поздний цветок в ноябре,
Я тужу в заколдованных странах
По тебе, как по светлой заре...

* * *

Ты знаешь, в жутких ураганах
Таится ласковый покой,
А в жгучих язвах, в чёрных ранах
Есть радость жизни неземной.

Ты знаешь, в крике злобном грома
Живёт святая тишина,
А боль последнего надлома
Забвенья мудрого полна.

Ты знаешь, в гаснущих закатах
Алеет пламенный восход,
А в днях, безумной скорбью взятых,
Незримо зреет счастья плод.

Ты знаешь, замкнутые двери
Свободу вечную несут,
А все страданья, все потери
Нас прямо к Богу приведут.

Ты знаешь, кладбища граница
Уходит в неба синеву,
А то, что здесь нам только снится,
Мы там увидим наяву!..

* * *

Вчера в театре в синей ложе,
Когда сплетались звуки-тени,
Была на призрак ты похожа,
Который жаждет всепрощенья.

Как жемчуг бледный, были щёки,
Глаза — потухшие светила,
А сердце слышало упрёки,
И ты сама себя судила.

Больною совестью повторен
Малейший миг в бреду кошмара.
И мрак души был глух и чёрен,
Как преступление и кара.

О вечной жизни тени-звуки
Рыдали в мареве театра, —
О том, что в мире нет разлуки,
Что нет «вчера», не будет «завтра».

* * *

В. Ш.

Покоя нет в самоубийстве!
Лукаво лжёт холодный труп.
Упали сорванные листья,
Но свеж и зелен крепкий дуб.

Беги проклятого магнита,
Которым Смерть тебя влечет:
Пускай душа твоя разбита,
И с прошлым счастьем кончен счёт;

Пускай... Отживши всё земное,
Душа не может быть мертва.
Блаженство вечного покоя —
Любовь и вещие слова!

И лжёт себе самоубийца,
И лжёт уставшим Сатана:
Земное горе только снится;
Где Бог, — там мир и тишина!

* * *

Была-ль судьба твоя, забава ли,
Но с детских лет уже греша,
Мечтала ты о грозном Дьяволе,
Чья Богом проклята душа.

Когда тоску земли изведала,
Когда устал твой мерный шаг,
Ему себя ты властно предала;
Владел тобой проклятый враг...

Горело сердце чёрной силою,
Безумной страстью маков зла.
О, сколько слёз и горя, милая,
Себе и миру принесла!

Но всё давно сгорело дымами,
Настала в сердце тишина,
И ты святыми херувимами
Была так мудро спасена.

И ты теперь навек избавлена,
Твой долгий путь и чист, и прям:
Тебе лицо святое явлено,
И нет возврата прошлым дням.

Не знаю, рок то был, забава ли,
Иль страсти призрачная ложь,
Но силы нет в смущенном Дьяволе,
И ты за Господом идёшь...

* * *

Я честно выдержал искус,
Разлуку принял смело. —
Итак, я больше не вернусь:
Ты этого хотела?

Теперь уж: «вы», — сгорело: «ты»
В огне моей печали...
Да, счастье в муках суеты
Вы встретите едва ли!

Я вижу грустное чело,
Я вижу взор угасший:
Лишь в прошлом будет вам светло.
«Так надо»? — Дело ваше.

Всё было жертвой? — но кому?
Чего вы ей хотели? —
Ведь вами брошены во тьму
Два сердца... так... без цели.

А путь земной так чист и прост,
Когда душа согрета!
Хотели неба, ярких звёзд? —
В любви довольно света.

Упрямо вы искали мук,
В любви горела злоба!
Земное счастье, милый друг,
Небесным стать могло бы...

О, если-б был я вам врагом,
Меня любить смогли вы;
К чему мучительный надлом
И жуткие надрывы?

Назад былого не вернуть,
Судьба не в нашей силе:
Поймёте вы когда-нибудь,
Как вы любовь убили.

Любовь убитая жива
В страданьях, в острой боли:
Мои вы вспомните слова, —
Теперь вам до того ли!

Сомненья, точно пауки,
Нам ткали паутину...
Итак, теперь мы — далеки,
Итак, я вас покину!..

Погас во мне источник слёз,
Печаль моя не светит.
Что будет? — тягостный вопрос:
Пускай вам Бог ответит.

С иконы тёмной Иисус
Христос взирает кроткий...
Я шлю вам нитку лунных бус;
Примите: это — чётки.

Последний дар! совсем они,
Как слёзы эти бусы,
Как даром прожитые дни
И тяжкие искусы.

Светает. Серая заря.
Луна во мгле маячит.
Молитву скорбную творя,
Глядите, кто-то плачет...

Когда и как конец найду,
Всё будет вам известно.
Я верю вашему суду:
Страдайте долго, честно...

О, если-б слёзы этих бус
У сердца вечно рдели!.. —
Итак, я больше не вернусь:
Вы этого хотели?..

* * *

Тоскливые очи искали.
Любовь разрывала мне грудь.
Кто послан мне Богом? — не та ли
Разделит мой тягостный путь?

Как радостно светит улыбка!
Взор — милых старинных картин...
Увы, это снова — ошибка,
И снова я, снова — один...

Тоскливые очи искали.
Скажи мне, колдунья, не ты-ль
Развеешь земные печали
И с ними — житейскую пыль?

В ней — мудрая вещая сила
И сердце — без скорби и ран:
Казалось, душа полюбила,
Но снова — всё тот-же обман!

Деревья. Поля. — Не она ли? —
Ребёнок... как небо чиста...
Но в сердце все струны молчали,
И снова дорога пуста!

Тоскливые очи искали,
Изведали муку земли,
Погасли они от печали,
Но здесь никого не нашли.

А небо на землю смотрело,
Как-будто желая взглянуть
На бедное слабое тело,
На бедный, безрадостный путь...

* * *

Словно Дьявол незримый качает с отравой большое кадило,
И бежит от него прямо в душу туман отвратительно-жёлтый...
Я сегодня поутру тяжелые четки с письмом получила:
Отчего ты убил наше солнце? Куда, дорогой мой, ушёл ты?
Знаю, жутко виновна пред Богом и вами: любить не сумела.
Разве вы были правы во всём? — отвечайте мне прямо и смело:
Кто сомнения тяжкие грубо взвалил мне на слабые плечи?
Кто терзал меня словом холодным и сжёг мои грёзы, как свечи?
Может-быть, вам был нужен еще один маленький дьявольский опыт? —
Он удался вполне вам, — ликуйте, гордитесь, — почти что без хлòпот! —
Нет, любила, люблю, по пути своего никогда я не брошу:
Пусть холодные бусы, любви твоей дар, облегчат мою ношу...
Бог простит нам! — Друг другу земные обиды, поверь, мы простили...
Я тебя разлюбить не сумею... Кто в этом поможет: не ты ли? —
О, живи, дорогой, для великого светлого Божьего дела...
Как бы в эту минуту тебя приласкать... целовать я хотела!

Путь мой — долгий: до кельи? до яда? до липких об'ятий бульвара?
На меня пусть одну, по заслугам, падет Бога, Дьявола-ль кара!
Ах, писать никогда не умела... И слёзы бегут торопливо...
Жёлтый душный туман. Боже мой, неужели навеки ушли вы?

P. S.

Синий маленький крестик я, помните, как-то давно вам прислала? —
Если рвете, себя и меня не жалея, все прошлые нити,
Может, он вам противен иль давит он грудь вам хотя-б очень мало, —
Бедный крестик тогда вы сломайте и просто, безмолвно верните...

* * *

Ты прислала крестик синий,
Я — из слёз холодных четки:
Мы уже не будем вместе,
Путь остался нам короткий...

Ты умрёшь от светлой боли,
Я погибну в синей дали:
Боже мой, не оттого ли
Мы друг другу их послали?

Мы сочтёмся — и по чести
За могильною решеткой:
Я верну с улыбкой крестик,
Ты, смеясь, мне кинешь четки...

* * *

Знаю каждую в мире я ныне страну,
Человек до конца мной изучен,
И как вольная птица в проклятом плену,
Я от жизни устал. Я измучен.

Я кого-то любил, я чего-то желал
В безысходном порыве к чему-то:
Путь земного скитанья и жалок, и мал,
А солгавшая Вечность — минута!

Что такое печаль незалеченных ран? —
Сердце верит, молчит только разум!
И влекомый в пространства невидимых стран
Захотел быть и стал водолазом.

Мой немеркнущий взор вдохновенно проник
До великих глубин океана,
И раскрылся его мне последний тайник
В полумгле водяного тумана.

Ни забвенье людей в бесконечной тиши,
Ни сиянье волшебных жемчужин, —
Ничего не пленяло сгоравшей души:
Этот мир был ей тоже ненужен.

Я поднялся на землю, где видел я зло,
Где конца нет тоске и заботам.
В голубые пространства меня унесло:
Захотел быть и стал я пилотом.

Я сумел через скучную звездную сеть
К новым солнцам, к неведомым лунам
Чародеем по воле своей долететь...
О, безумье! — не лучше вверху нам!..

Бесконечность миров — бесконечность тоски,
Будто скучные, скучные числа! —

И разбил я внизу свой корабль на куски...
О, мой путь — без конца и без смысла!

Ни вверху, ни внизу! — Бедный разум убит,
Сердце сдавлено каменным страхом...
И ушёл от себя я в изгнание, — в скит:
Волей Божьею стал я монахом.

Как спокойно течёт по равнине вода,
Не смущенная пылкой волною,
День за прожитым днём, а за годом года
Тихо гаснут за белой стеною.

Правда, слышу подчас океана я гул,
Вижу светлые грозные дали,
Но умею велеть, чтобы сразу уснул
Голос грешной тоски и печали.

Правда, вспомню подчас чью-то нежную грудь,
И потянет опять к поцелую,
Но чтоб вялую душу к молитве вернуть,
Я презренное тело бичую.

И приходит вся жизнь в этом Божьем скиту;
Как на дне неземного колодца...
Но последние дни я с тревогою жду,
Что гроза в мое сердце вернется.

Вдруг безумье свободы меня осенит,
И увидя в молитве гримасу,
Я с презреньем оставлю солгавший мне скит
И сожгу ненавистную рясу?

Чья тогда мне, скитальцу, поможет рука?
Где найду и для неба я крылья? — —
О, томительный плен! О печаль и тоска!
О, позор рокового бессилья!

* * *

Ты мгновенным метеором
Путь мой пересек
И с не сказанным укором
Скрылся не навек.

Я одна на перекрёстке
Призрачных орбит,
А в душе — былого блёстки:
Их она хранит.

Сердце смутно ждёт возврата
Схлынувшей волны.
Знаю: в чём-то виновата
Жутко, без вины.

Всё равно мне, — я не скоро
Богу дам отчёт,
А дорога метеора
Путь мой пресечёт.

И когда столкнёмся оба,
Чтоб упасть во тьму,
Небо будет вместо гроба
Двум, как одному.

Отчего-то две орбиты
Здесь нам суждены...
О, Господь, мой грех прости ты
Жуткий, без вины!

* * *

Клубок великих дум распутай,
Больное сердце оживи,
Чтоб Вечность алою минутой
Зажглась в немеркнущей любви.

Земное пусть проходит рядом, —
Забудь его неверный сон:
Гляди, как ласков синий ладан,
И нежен сумрак близ икон.

Молитвы Господу слагая,
По миру призраком броди,
Чтоб жизнь открылася другая,
И солнце вспыхнуло в груди.

Хоть светлым ангелом тогда ты
Войдёшь в неведомый чертог,
Но всё равно: земной утраты
Вернуть не в силах даже Бог...

* * *

От бездны к бездне суждено нам
Держать куда-то долгий путь.
Внимай бестрепетным законам,
Людская трепетная грудь!

Пусть верно служат телу — ноги,
Душе — два пламенных крыла,
И ярко светит мысль о Боге
В потёмках призрачного зла!

Измерить бездну — труд напрасный!
Не знай того, что впереди...
Над всем взлетая, будь бесстрастной
И — дальше! — или... упади!

* * *

Там — ряд бойцов распятых;
Там брата режет брат...
Нет в мире виноватых?
О, каждый виноват:

Убитый и убийца,
Обманутый и лжец,
И всякий, кто родится;
А прав — один Творец.

И в том, что тот повешен,
Тому не верит Бог, —
Во всём я тоже грешен:
Я знал и не помог.

Что ты, что он, что я ли,
Увы, — не всё равно-ль:
Виновны все в печали,
Виновны все за боль.

И тянется сурово
Одна сплошная нить:
Пускай не будет злого,
Иначе — стыдно жить!

* * *

Звёзды чётко горят маяками
(Солнца нет уж: успело зайти.):
Бог зажёг их Своими руками
Для скитальцев земного пути...

В сердце — бурное вещее пламя
(Солнце жизни — давно позади.):
Бог целует своими устами,
И рождается песня в груди...

* * *

В детстве (был еще я мал.)
Бог всю правду мне сказал;
В сердце, лаской не согретом,
Я услышал: «Будь поэтом!»
Жизнь, ты средство! Бог, Ты — цель!
О, звени, моя свирель...

* * *

Что молчит моя тетрадь,
Вы виновны сами:
Надо чем-то торговать, —
Трудно жить псалмами.

Страшен будней злой клинок
В мареве излучин;
Вянет скромный мой венок,
А базар так скучен!..

Чернь завистлива и зла,
Судит праздность строго:
А для мирного угла
Надо так немного!..

Жить, как надо, не могу:
Жизнь всю жизнь мне гадит...
В том же мучился кругу
Мой духовный прадед.

Вам, конечно, всё — пустяк,
Миленькие братцы? —
Гаснет в чёрной тьме маяк:
Можете смеяться...

* * *

Кто выше и горя земного,
Кому и в страданьях отрада,
Тот всё понимает без слова,
Тому всё так ясно без взгляда.

О, много на совести пятен,
Но сердце любить не устанет:
Исчезнувший миг безвозвратен,
Но будущий день не обманет...

* * *

Кто здесь изменит нам, себе ли
Тот станет трупом меж людей,
Того убьёт его же зелье
В потоке призраков и дней.

Кто пролил кровь свою, врага ли,
Тот будет проклят там и тут:
Душа умрёт в немой печали,
Сама свершив свой чёрный суд.

Кто страстью пламенно ужален,
Тот будет иноком святым:
Он сам воскреснет меж развалин,
И станет прошлое, как дым.

Кто дерзко заповедь нарушит
И злого тленья сбросит гнёт, —
Иль сердце совестью задушит,
Иль Вечность в цепи закуёт.

Кто, споря с Богом, вырвет знамя
И смерть найдет в святом бою, —
Того нетленными руками
Обнимут ангелы в Раю!

* * *

Начни с конца, забудь начало,
Сожги средину; всех прости,
Кого ошибкой повстречала
На сером, призрачном пути.

До сердца памяти нет дела,
И в ней всегда таится ложь. —
Исчезло? Кончено? Сгорело?
Навеки умерло? — Так что-ж!

Внемли таинственным загадкам
И сердцу вещему внемли,
Познать сумей мгновеньем кратким
Всю скорбь, все радости земли.

Не в снах, не в чёрном пистолете
Нам жизнь ответит на вопрос:
Отгадку знают только дети,
А правду всю сказалъ Христос...

* * *

Душа — огонь, а плоть — зола,
Но нет в ней мёртвых зёрен:
Как будто жизнь давно прошла,
И я судьбе покорен.

Дорога серая длинна,
Но знаю, есть граница;
Молчит родимая страна
И только, только снится.

О, лес и степь, о, луг и новь,
О, горы и равнины, —
Примите позднюю любовь
Почти родного сына!

О, как мне мил и как далёк,
Мой домик за межою...
Я — бедный, бедный мотылёк,
Но с бурною душою!

Душа — огонь, а плоть — зола.
Устал я жить враждо́ю.
И спорит мертвенная мгла
С бессмертною звездою!

* * *

День и месяц, и год —
Вереница забот.
Что родится, умрёт,
Но узнает восход.

Сердце можно увлечь
Мнимой ласкою встреч,
Но безгласная речь
Это — хуже, чем меч.

Средь кошмара, тревог
И погибших дорог,
Как последний итог —
Только Вечность и Бог!

* * *

Хотя в душе рыдают часто
Печаль и скорбь Екклезиаста,
Но как ничтожен и как тесен
Мне Божий мир без Песни Песен;

Хотя всегда, везде мне близко
Любви безумие Франциска,
Но в сердце блещут бурно, жарко
Алькофорадо и Петрарка;

Хотя разбила все скрижали
Тоска по Вечности Паскаля,
Но мудрость низменна и нема
Пред светлой тайной Вифлеема!

* * *

Земные скорби — сон пустой:
Они — забавы дьявола.
Влекись далекою мечтою
Заоблачного правила.

Мелькает грех в потоке зорь
Обманчивой личиною. —
С пресветлым Господом не спорь,
Идя дорогой длинною.

А в зное кратких неудач
Нам гибель только чудится. —
Над гробом прошлого не плачь:
Обещано — и сбудется!

* * *

Накрапывал дождик осенний;
Печально деревья шумели. —
Мне жалко убитых мгновений,
Мне страшно томиться без цели.

Гуляет по трепетным крышам
Озябший рассерженный ветер. —
А родине стон мой не слышен,
Никто на него не ответил.

Остыл мой нетронутый ужин,
Бокал одинокий не начат. —
Пока никому я не нужен,
Со мною никто не поплачет.

О, вечер осенний унылый,
Устал я нести свою ношу,
Однако до самой могилы
Креста своего я не брошу.

Чужда мне и зависть и злоба, —
Я Богу пою свои песни
И знаю, что, вызвав из гроба,
Он скажет: «Поэт Мой, — воскресни!»

* * *

Душа — Божественный сосуд,
Ларец небесных благовоний! —
От пыльной жизни не спасут
Мольбы и свет потусторонний.

Сними лазурный свой венок,
Уйди от ризы белоснежной:
Пускай страданье долгий срок
Горит в душе твоей мятежной.

Пади смиренно до глубин
Земной тоски земного ада;
Беги от счастья, будь один
В чаду земного маскарада.

Пойми свободы жуткий плен,
Любя весь мир, лишаясь крова:
Господь изгнанье даст взамен,
Но не желай пути иного!

Что толку медлить у гробниц! —
Себя за прошлое распни ты;
Пускай пожаром злых зарниц
Сгорят надменные ланиты.

И сны убей, и светлым будь,
Но не в мечтах и не в Нирване,
Чтоб в сердце раненом замкнуть
Безумный круг земных желаний.

И в храм иди на Божий Суд,
И кайся, кайся на амвоне:
Разбей Божественный сосуд,
Ларец небесных благовоний!

Тогда настанет для души
Святое вечное «Сегодня»,
И вспыхнет в ласковой тиши,
Как солнце, заповедь Господня.

Тогда... но нет небесных слов, —
Нельзя сказать о том земными,
Что там, у райских берегов
Живёт в блаженном Серафиме!

* * *

В Раю Господнем на престоле
Горит твое святое имя:
Молюсь ему, люблю до боли
И не сравню его с другими.

Какая тайна в самом слове:
Россия! — царство откровений,
Шесть букв из пламени и крови
И Царства Божьего ступеней!..

* * *

За книгой, за вином; в дворцах ли, в конуре ли;
В пустыне, в суете-ль; в болотах иль в степях;
Свершая гордый путь, бредя-ль совсем без цели;
Хорошим иль дурным; свободным иль в цепях;

С другими ли, один; меж роз иль на соломе;
Распутным иль святым; чтоб падать иль любить;
В шантане ли, в скиту, иль в сумасшедшем доме, —
Но только лишь бы жить! Как можно дольше жить!!.

* * *

Свою кончаю Литургию
Не красоте земного плена:
Пускай поют её другие, —
Страшна мне Господу измена.

В моей душе иные зёрна, —
Они дадут иные всходы...
О, как мне жить теперь просторно!
О, как смешны былые годы!

Весь Божий мир — моя обитель,
Звени моя в ней Литургия:
Прими её, Христос-Спаситель!
Люби её, моя Россия!

I

Как не берет первосвященник
За подвиг службы алтарю
Людских даров, их лгущих денег,
Так я молюсь, так я творю.

Поэт наградой тяготится,
И дар земной его стыдит:
Он не наемник, не блудница, —
С ним Бог по-Божьи говорит...

Но если так любим он вами,
Что вы умеете гореть,
То чтить должны его вы знамя
И с ним страдать, и умереть.

Другой любви ему не надо,
Но всё равно: он будет ваш...
Поэт! лишь Бог — твоя отрада:
Всё остальное — злой мираж!

II

Порвал я страсти знойной путы
И цепь страданий расковал;
Сгорели алые минуты,
Исчезли мрак и холод скал.

Я — вечный путник, я — прохожий,
Я — рыцарь Господа-Христа:
Во мне теперь лишь голос Божий,
Молчит земная суета.

Ни пир, ни думы кабинета!
Ни жар любви, ни черный скит!
Ни нежных слов, ни пистолета! —
Весь мир был мною пережит...

Изведал все земные чары,
Путём греха я к небу шёл,
Смиренно принял все удары
И бросил призрачный престол.

Обман любви был так коварен,
И слаще я не знал отрав:
За всё я Богу благодарен, —
Его великий Суд был прав.

Впитал я всей земли пороки:
Хулил, дерзал, над всем смеясь;
Себя готовил я в пророки,
Роняя крест и душу в грязь...

Теперь погас последний морок, —
Земля и небо тут во мне:
Весь мир теперь до боли дорог,
С людьми я, как наедине.

Иду... иду... легко, без шума,
В пустыне больше не кружа:
Зовёт меня благая дума
И светлой Вечности межа!..

О, вейся, вольная дорога
Меж гор, лесов в потоке дней:
Слуга я родины и Бога,
Сын верный Матери своей!

А если ты, меня ревнуя,
Придешь ко мне когда-нибудь,
Тебе свой посох протяну я
И покажу на крест и путь!

III

Итак, поэт достиг предела!
Любовью сердце утоля,
Оставлю здесь я томик белый
Тебе, о, милая Земля...

Как ты, душа моя блуждала.
Прожив два раза жизнь свою,
На небе песни те слыхала,
Что здесь теперь тебе пою.

Всё просто в них, как взор ребёнка;
Любя тоски своей прибой,
Скорбел в тиши, смеясь не звонко,
Грешил без злобы, но с мольбой.

Они влекут в миры иные.
Они навеки сети рвут:
Не знаю сам себе цены я,
Но верю только в Божий Суд.

Когда мне будет сладко сниться
В могиле нежной тихий сон,
Мои лазурные страницы
Полюбит мир, поймёт их он.

Храня мечты моей обломок,
Впивая солнечную пыль,
О, верь, тоскующий потомок
В мою немеркнущую быль...

Тоскливо жил у дней в плену я,
Пришла любовь: созрел мой плод...

Кто видит Бога, скорбь минуя,
Тот белый томик мой поймёт.

От этих песен никуда я,
Мой друг безвестный, не уйду,
Хотя бы жил в долинах Рая,
Хотя бы мучился в аду.

Когда ко мне твой взор угрюмый
В мою обитель долетит;
Когда затмится скорбной думой
Младой огонь твоих ланит, —

Я брошу свет и радость Рая,
Покину властно жуткий ад
И боль Бессмертья познавая,
К тебе приду, сестра иль брат! —

Königstein im Taunus, 1923 г.
День Св. Иоанна Златоустого.

MCMVII — MCMXXIII
Cum Deo!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

С ДЕТЬМИ БЕРЛИН MCMXXIV

П Л Е Н ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Некоторые исправления.

Страница.	Строка.		
10	1	сн.	на сердце
10	6	сн.	всю жизнь
16	7	сн.	в раздумьи
24	12	сн.	сон;
33	1	св.	ложь рассудка,
56	15	св.	нам ночь
62	5	сн.	дверь?
66	6	св.	страдает
72	2	сн.	прощание?
73	3	св.	Мне, в моём будущем... нет, ничего не скажу, но, поверьте,
75	11, 12	св.	Что в этой жизни невозможно, Коль сердце ранено мечтой?
82	6	сн.	умолкла;
87	12	св.	василёк!
106	4	св.	И живи
109	6	св.	сыро и темно:
132	8	сн.	детям!
150	9	сн.	И смерть несут об'ятья?
183	12	сн.	синий крестик,
191	11	сн.	равнина, —
192	2	сн.	далёкою мечтой